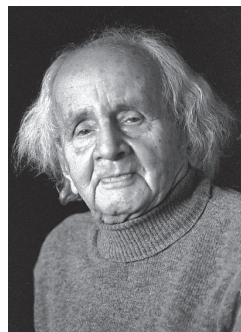

Николай Раевский

ИЗ ПРАЖСКИХ ДНЕВНИКОВ

10 августа 1940. Самое яркое и радостное мое впечатление этого лета – «открытие» поэтессы Ольги Крейчи. Я знал уже в прошлом году худенькую красивую девочку-дружинницу. В этом году, дежуря по лагерю, она как-то принесла мне обед (такой там обычай). Впервые услышал о ней в замке Шварценберга в Противине: «Талантлива, головой выше других...» Потом как-то Андреев сказал вскользь: «Необычайно и разносторонне талантлива». Я, надо сказать, пропустил эти отзывы мимо ушей. Через несколько дней моего пребывания в лагере Олю оттуда исключили за вторую самовольную отлучку. (Примечание, сделанное позже: Спали парочками на сеновале.) Ночью удрала кататься на лодке со Славой Шеттнером – моим учеником. История молодая, летняя. Думаю, больше ничего не было – Слава еще явно не знает женщин. (И еще как знал, чуть ли не с 14 лет...) Но Олю не любят подруги – настояли на исключении, хотя и сами в такой же истории. Словом, клубок отношений, копать в которых не было ни малейшей охоты. 24 августа прихожу навестить М.С. (мать Славы Шеттнера), звоню, и двери открывает «преступница» Оля. Мария Степановна её приютила, так как девочке пока решительно некуда деваться.

Вечер был чудесный. М.С. думала даже, что я пришел подвыпивши, но кроме чая я ничего не пил. М.С. посоветовала мне попросить Олю почитать свои стихи – очень, мол, талантливо. Я из вежливости так и сделал. Приготовился слушать рифмованное печенье Ахматовой (без её таланта, конечно). А через десять минут я понял, что передо мной девушка совершенно необыкновенная. Большой в ней выверт – и в жизни, а частью и в стихах, но если не свихнётся, чего доброго, станет всероссийской знаменитостью. Когда-то я прочил будущность Кириллу Набокову (живший в Праге брат писателя Владимира Набокова). Ничего путного из него не вышло – теперь уже ясно. Но у Кирилла, кроме несомненного умения писать звучные стихи, не было ничего. «Человек без спинного хребта» – так его звали. И сказать ему было нечего – из пустой души ничего не выжмешь.

А Оля головой, двумя головами, умнее и развитее своих сверстников (за это её и ненавидят). Андреев мне сказал, что уже год он с ней говорит как с равной (Оле 17 лет). Словом, от её стихов я радостно обалдел и весь вечер был, словно выпивший. Так радостно видеть зачатки большого, настоящего таланта. И просто не верится, что эта безалаберная гимназистка может так писать:

Все прошло, исчезло, позабылось
 И окуталось в тумане небытья.
 Наша светлая дорога скрылась,
 Мы тогда расстались: ты и я.
 Не жалей, что счастье было кратко,
 И не плачь, коль будет тяжело, –
 Счастье в жизни трудная загадка,
 Так и не разгаданным ушло.

И для взрослого – хорошие, содержательные стихи, а для гимназистки вещь совершенно удивительная. Выписал себе еще «Сероглазочку». В ней, конечно, много от Вертинского (стихотворение А.Ахматовой «Сероглазый король» Вертинский положил на музыку):

Я люблю сероглазую девочку,
 Как весною цветущую веточку, –
 Без желаний, без страсти, без слёз –
 И пою я ей песенку
 Про житейскую лесенку
 Без надежд, идеалов и грёз.
 Не тоскуй, сероглазочка,
 Ей надолго поверить нельзя,
 Будь веселою, девочка,
 Как весенняя веточка,
 Зажигай светлым счастьем глаза.

Я редко думаю о том, зачем я не богатый человек. Сие весьма безнадежно... А сейчас жалко, что у меня нет текущего счета и я не могу создать стипендию для Оли Крейчевой. Трудно будет ее беречь и сберечь от надлома, излома, мечтаний о барах. Но так хотелось бы послать ее куда-нибудь в очень культурную, обеспеченную среду. Оля вбирает в себя все – рисует, и хорошо, остроумно рисует, слушая граммофонные пластинки, научилась петь французские романсы, почти не ошибаясь в произношении, неплохо танцует, но, конечно, ее будущее не балет и не живопись.

Много в ней от Марии Башкирцевой, но только бедность полная, абсолютная. Ни отца, ни матери, ни геллера в кармане. Я говорил с Андреевым, и он будет звонить во все колокола, чтобы Олю хоть в пансион гимназический приняли (раз её оттуда исключили). А смотреть на нее все-таки радостно. Я шутя, но не совсем шутя, просил Андреева поговорить с Савицким (новым директором гимназии) и сказать ему – пусть сделает, что может, а не то пусть бережётся – в биографию Ольги Крейчевой попадает в самом неблагоприятном виде.

31 августа. ... думаю о Оле. Что могу, то сделаю для милой поэтессы, но сейчас я могу очень немного. По-моему, к ней подходят пушкинские стихи:

...За то ль, что любит без искусства,
 Послушная веленью чувства,
 Что так доверчива она,

Что от небес одарена
 Воображением мятежным,
 Умом и волею живой,
 И своенравной головой,
 И сердцем пламенным и нежным?
 Ужели не простите ей
 Вы легкомыслие страстей?

13 сентября. Продолжаю восхвалять Олю. Читал ее вещи Н.А.Цуриковым, профессору Лосскому, А.Г.Мичкову, кой-кому из молодёжи. Несколько стихотворений перевел по-французски (конечно, белыми стихами) и показал Mme Z. и Mme VD (сотрудницы библиотеки Эрнеста Денни, где работал Раевский). Полный успех. Все находят, что стихи очень хороши и для взрослого поэта, а для гимназистки удивительные. Н.О.Лосский и французенки находят очень удачными ее образы. Написал поэтессе нарочито сдержанное письмо, зову пользоваться нашей библиотекой, но пока она никак не отозвалась. Не перехватила ли мое безобидное письмо старуха Груздева – с ней все может стать.

Не знаю, следует ли принимать всерьёз ее «Шарманщика». Если да, то это вещь изрядно жуткая для 16 лет:

Скрипи, скули и вой, шарманка,
 И душу вымотай мне всю,
 Мне будущее не приманка,
 На старое же – я плюю.
 Плюснет небо с озлобленьем –
 Печально, смято все вокруг.
 Лишь ты одна протяжным пеньем
 О жизни говоришь, мой друг.
 Хоть эти звуки дики, хриплы,
 В них близкое душе звучит,
 Напев отрывистый и сиплый
 О смысле жизни говорит.

Апрель 1939 г.

31 декабря 1940 г. 20 часов. Встречаю этот год и десятилетие, однако, у себя в комнате. Старая история – нет денег. Желание есть, но приходится сокращаться. Как раз через 4 часа формально кончается моя служба в Institut-e. Фактически библиотека закрыта уже два с половиной месяца. Единственная моя постоянная служба за 20 лет пребывания за границей. Скучно без нашей залы, куда я теперь проникаю редко. Будущее темно и непонятно. Ничего хорошего не ожидаю ни для мира, ни для собственной особы. Раз начавшееся безумие остановить будет нелегко. Надо продержаться, не утонуть. Значит, плыть по течению и беречь силы. Сие не звучит гордо, но что же делать. Менять погоду и направление ветров не в силах ни я, ни другие...

В каком порту причалим, видно будет. Если Европа избежит большевизма, все утрясется. По-настоящему я только большевизма и боюсь. Иногда кажется, что над головой стопудовая стальная доска и свалится она или нет – неизвестно.

Себе тоже желаю жизни – и на год, и на декаду. Гнусная вещь – смерть. В уходящем году я таки прорвал круг по женской линии. Забавно, очень банально, совсем без любви, но все-таки лучше, чем ничего. Только я считал себя физически моложе. Может быть, правда, с более привлекательной особой было бы по-иному...

Совсем в другой области талантливая Олечка. Могла у меня быть дочка старшей ее.

Высоких слов она не знает,
 Но грудь бела и высока,
 И сладострастно вздыхает
 Из-под кисейного платка.
 Ее стопы порою босы,
 Ее глаза слегка раскосы,
 Но сердце тем верней летит
 На их двусмысленный магнит.
 Когда поют ее подруги
 У полунощного костра,
 Она молчит, скрестивши руки,
 Но хочет песен до утра.
 Гитарный голос ей понятен
 Отзывом роковых страстей,
 И, говорят, немало пятен –
 Разгулу отданных ночей –
 На женской совести у ней.
 Лишь я ее не вызываю
 Условным стуком на крыльцо,
 Ее ночей не покупаю
 Ни за любовь, ни за кольцо.
 Но мило мне ее явление,
 Когда на спящее селенье
 Ложится утренняя мгла:
 Она проходит в отдаленьи,
 Едва слышна, почти светла,
 Как будто Ангелу Паденья
 Свободно руку отдала.

(30 октября 1921. В.Ходасевич)

К сожалению, видно, так. Сплетничают о ней много, но если откинуть сплетни, все равно останутся нехорошие вещи. Недели две тому назад приехала к Шеттнерам совершенно пьяная, с губной краской, размазанной поцелуями по щекам. Мария Степановна, несмотря на всю свою терпимость, была в ужасе. На следующий день Слава мягко упрекнул свою приятельницу. Оля разрыдалась и потом все время, по дороге в гимназию, сидела в трамвае со слезами на глазах. Твердила: – Да, ты чистый, а я гадкая... Уверяет, что не любит Достоевского, но достоевщины в ней много.

Олины стихи все лучше и лучше. Больше всего я ценю их удивительную музыку. Чего стоят одни ее слова к «Романсу» Чайковского:

Нечаянно ты послан мне судьбою,
Ты новый, но какой-то все же свой...

Иногда мне кажется, что со временем черноглазая Олечка, которую отовсюду исключают за «громкое» поведение, станет одной из первых поэтесс России... С Кириллом Набоковым (брат писателя Владимира Набокова, жил в Праге) я жестоко ошибся, теперь уже ясно, что ничего из него не вышло, хотя писал в свое время звучные стихи. Но вне поэзии Кирилл был балдой, а Оля умница, каких мало, но только темперамент болезненный, совсем болезненный. Как-никак в ее обществе нравится быть таким людям, как генерал Войцеховский, Чернавин, Бискупский... И молодые ученые-кондаковцы, и немало других, просто взрослых, образованных людей охотно с ней проводят время.

Мне всей душой хочется ей помешать скатиться в проституцию, которая явно угрожает этой талантливой девочке. Взлся преподавать (конечно, бесплатно) французский язык – пока раз в неделю. Она плохо его знает, но произносит совсем хорошо. Интереснее всего, что девочки дружно ненавидят Олю. Мальчики тоже не любят, кроме нескольких, которые влюблены. (Недавно IV/41 П.С. Бобровский, наоборот, сказал мне, что в классе Олю любят и считают необычайно способной.) Я думаю, виноват ее *complexe de supériorité* (комплекс превосходства), который для ровесников, должно быть, плохо переносим. Мне же хочется сказать им – господа, берегите Олю такой, какой она есть. Судьба послала вам в подруги замечательную девушку – берегите ее.

А беречь ее нужно. У меня это чувство появилось почти с первого дня знакомства. Отлично себе представлял, как это все может кончиться. Черный закрытый гроб в Ольшанской часовне, и все...

Конечно, я никому ни слова. Но в пятницу 27 пришел к Оле на урок. Грустная, похудевшая. Поговорили:

– Eh bien comment allez-vous? (Как поживаешь?)

– J'ai voulu mourir... (Хотела умереть...)

Я хотел было обратиться в шутку, но понял, что она серьезно.

– Скажите, зачем люди портят жизнь?

– Parce qu'ils sont... (Потому, что они...)

Мы говорили на русско-французском языке много и горячо.

Она начала смущенно-озлобленно:

– Ну вот, видите, я здесь...

Рассказывал ей об ощущениях на фронте, о гниющих изорванных трупах, о том, как готов был застрелиться, чтобы не попасть в плен к красным, о наблюдательных пунктах под обстрелом, с которых уйти нельзя... Кажется, выходило беспорядочно, но говорил я искренне, убедительно. Сказал, что жизнь ценишь по-настоящему, только побывав около смерти.

– Я ценю жизнь только тогда, когда я счастлива...

Перешел в наступление.

– Нельзя так... Мы потому только и чувствуем счастье, что есть несчастья.

Не спрашивал, что такое, собственно, произошло. Кажется, последствия ссоры (по вине Оли) с М.С.Ш. и Славой. Вот бы была нелепость... Хотелось мне поцеловать умный, высокий лоб, но остался на своем месте.

– Ну, спасибо вам, что вы меня успокоили.

– Если так, очень рад. Но ведь сколько еще будет «несчастий», больших и маленьких. Неужели каждый раз – j'ai voulu mourir? (желать себе смерти).

Желаю Олечке то, что ей сказал, – доживите до 2000 года и передайте от меня поклон XXI столетию.

1941 год

2 января. Оля чудит, и гадко чудит. Обругала М.С.Ш. в присутствии старухи Груздевой нехорошими словами (М.С. говорит, прямо площадной бранью...) и затем, оставшись одна, пыталась перерезать артерию на руке. Старуха страшно была напугана. Черт знает, что с девочкой делается. (Как я узнал, М.С. сильно сама виновата. Стала всюду рассказывать, что Олина мать еврейка.) Девочка взорвалась и едва не покончила с собой. А своему «крестному» – Белецкому, много о ней заботившемуся и щедро дававшему карманные деньги, написала неприлично-ругательное письмо, кончавшееся словами «старая дрянь». Причина та, что он, мол, обманул ее доверие – в чем, не знаю. Талант удивительный, но не сносить ей головы. Должно быть, истерия или что-нибудь в этом роде.

31 января. Я почти вылетел в трубу. Потерял за одну неделю три хороших урока – то, что осталось, никак не хватит на жизнь. Вся надежда на то, что удастся спешно что-то найти. Не удастся – дело дрянь. Тогда придется, пожалуй, бросать все и ехать делать неизвестно что в Германию. Больше всего тогда будет жаль Пушкина. Придется бросать на полдороги книгу, над которой я столько уже поработал. Без здешней библиотеки я никуда ни шагу...

Продолжаю заниматься с Олей. Несмотря на все, удивительная девочка. Дала мне всю тетрадку своих «серьезных» стихов. Не серьезные, к сожалению, потеряла. Очень меня взволновала эта тетрадка. Болезненная (сама это знает), почти больная душа, но какой талант у нее... Подарил ей к Новому году сборник Ахматовой. К удивлению моему, мало нравится. Зато увлекается Сологубом. В эту среду (29/1) читал ей свой перевод «Муз» Поля Клоделя. Немножко боялся, что длинная философическая ода, несмотря на всю свою красоту, будет ей трудна и малопонятна. Какое там... Слушала, не отрываясь. Кажется, мистическо-эротические обращения поэта к музе в конце оды подействовали на воображение. Понравилось очень. Но не советует читать молодежи в клубе, как я думал. Говорит, все равно не оценят, потому-де, что теперь процветает цивилизация, а не культура, и техникам это не по душе придется.

Понравились ей и мои «Добровольцы», хотя по недостатку я дал Оле неполный экземпляр. Предпочитает «антракты между боями» фронту. Сказала, что очень не любит войны. Также необычно – девчонки ее возраста теперь участвуют в маневрах с великим удовольствием.

В «городе и свете», как я узнал от Андреева, уже говорят, что я увлечен Олей (в прошлом году говорили о нем). Решительно протестовал (и на самом деле совсем не то). Милая, тоненькая стрекоза совсем не то, что физически нравится в 46 лет. А что стихами ее я увлечен, это и не отрицаю. И разве может не нравиться вот это:

Вянет поле кукурузное,
Желто-сухо шелестят листья,

Настроенье тихо-грустное,
Отцветают летние мечты.
Плачет речка мутно-серая
Всплёсками бесцветных горьких слёз,
В радость жизни смутно верю я –
Это в мир загробный перевоз.
И на берег там смотрю упорно я,
Но темно и чуждо тихо там,
Омывает берег речка черная,
Поглощая жизни грязный хлам.
18.X.1940

(Оля сказала, что написала это в поезде, когда поезд шел по берегу Бороунки).

2 февраля. Все о ней же. Трудолюбивый монах, если когда-нибудь он прочтет эти страницы, весьма будет удивлен. Станет искать, wo ist der Hund begraben (где собака зарыта). Не в Оле. А дневник все-таки о ней главным образом. Вчера у М.С.Ш. было секретное, об Оле, совещание. Хозяйки, Белецкий (его, к слову сказать, поэтесса изругала в письме абсолютно неприличным образом) и Тереза Германовна. О чем говорили, не знаю. Донесся только голос Белецкого – «прежде всего надо кончить гимназию...» Это и я повторяю при всяком случае.

Старуха Груздева затем захотела поговорить со мной. Сидели за общим чайным столом, но говорили à part (отдельно). Недовольна, почему я Оле написал открытку с извинениями по поводу того, что в экземпляре «Добровольцев», данном Оле для прочтения, не доставало нескольких глав. Извиняться, мол, лишнее. Потому что Оля девчонка и надо быть с ней строже, и не относиться, как к взрослой, и прочее...

Разговор был мирный, но я порядком злился. Во-первых, если прочла не ей адресованную открытку, то молчи, по крайней мере. Во-вторых, Оле 17 лет, а невежливым я не умею быть, и вовсе с девчонками. Смысл же сей истории ясный – ревнивая и подозрительная старуха по-прежнему предполагает несуществующий роман. Так полагается в книгах, но скучно.

Позиция М.С.Ш. мне не ясна и не нравится. Раньше относились к Оле, почти как к родной, сейчас двусмысленно и неприятно. Большой интерес при большой враждебности из-за Славы и еврейской крови, которая будто бы есть в Оле. По словам М.С., она, мол, приняла вовремя меры и Слава неделю назад вернул Оле ее «имущество» – должно быть письма и стихи. Должно быть, эти «меры» (не знаю, в чем они заключались) и вызвали у Оли вспышку отчаяния и большой злобы. Ко всему тому, Слава с Олей наверняка порвал только внешне, и мать сама об этом догадывается. Чепуха.

Решил, как можно осторожнее быть и с М.С. и Т.Г., поскольку дело касается Оли. Положение уже и так запутано и напутано. Больше путать нельзя. Мне было бы решительно все равно, не будь страха за полубольную девочку, которая может-таки уйти на «берег тот» по своей воле. Я до конца жизни не простил бы себе неосторожности и, значит, осторожность... Плохо то, что Оля, по-видимому, была до предела откровенна с М.С., несмотря на бестактность, Оля не станет ей делать гадостей. Ну, довольно...

4 февраля. Стараюсь меньше думать о своем материальном положении. Мрачно – осталось 1000 крон, на которые жить нельзя. Перевел оду Клоделя «Muses». Местами это было головоломно. Читал Оле в прошлую среду. Сегодня перечитывал перепечатанные на машинке папочкины письма. Один экземпляр передал на днях в архив в запечатанном конверте. Если помру, перейдет в их собственность.

Был в последнее время на школьных докладах и собраниях. Благодаря полу-безработице больше времени. 21 слушал в «профессорском» доме Н.О.Лосского «Мысли Достоевского о России». Народу было много, несмотря на холод, но молодёжь почти отсутствовала. Доклад Лосского суховат по обыкновению, но зато в прениях блеск диалектики и вообще Лосский во весь свой духовный рост (такое же почти впечатление у меня осталось от доклада Милюкова).

Кажется, ничего не записал о своем собственном докладе в Клубе молодежи (еще в декабре). Я и молодой Васнецов (Витя) читали «Новое о 1812 г.». Меня попросили, чтобы первым выступил Витя. Он довольно вяло говорил полчаса о книге Тарле. Я реферировал записки Calaincaurt-a и письма Наполеона к Марии Луизе. Прочел еще записки Н.Н.Муравьева (пожалуй, самое страшное о войне, что я читал) и немного совсем Mémoires du sergent Baurgogne.

Я был в ударе. Говорил в общем (с перерывом) без малого два часа. Публика сидела не шевелясь, и потом мне еще говорили, что можно было продолжить... Капризная вещь ораторские выступления. Я всегда уверен в том, что не со-бьюсь и не начну мямлить, но только за это и можно ручаться. На сей раз вышло «ударно». Генерал Кирей сказал, что я в его мнении не то что поднялся, а, мол, взлетел, как ракета. Полковник Мельницкий и Малютицкий, весьма большой придира, тоже хвалил всюю и везде. Слух обо мне опять прошел громко по остаткам русской Праги. Меня же берет злость: к чему, к чему, когда нет денег и ты затерт жизнью. А к «бурным и продолжительным» я привык, даже когда в веселых Колодеях танцевал с Тусей Чириковой китайский танец из «Щелкунчика» (было такое дело в 1938 году) и тогда же изображал в «хоре Зайцевых» певицу (вместо грудей – воздушные шарики). Потом, когда я играл (уже в Праге, на вечере трудящихся женщин в 1937 г.) графа в пантомиме «Страничка из романа», была прямо овация. Но это все, понятно, балаган, а говорю я, порой, таки, да, хорошо...

В Institut в свое время одна старая немка после моего доклада о Клоделе так и бахнула:

– Мы видим в Вас гения! – И все ни к чему, пузыри с переливами или рожки, от которых не остается ничего... В 46 лет нужны прежде всего деньги. В это воскресенье в клубе Н.Ф.Максимович читал об эпохе Николая II. Народу в приличном помещении набилось 85 человек – рекорд Клуба. 16-го просили меня прочитать отрывок из «Добровольцев» – у них будет литературное утро, посвященное белому движению. Хотят, чтобы я помог им выбрать стихи. Это будет трудно – большинство патриотических стихов о белом движении совершенно невыносимы...

15 февраля. А весна таки пришла. 10-го заметил, что воробьи чирикают по-весеннему. 11-го вскрылась Влтава, на этот раз не наделав бед. 12-го появились было чайки на реке (сейчас их не вижу), и, наконец, 15-го, хоть день был слегка морозный, запели черные дрозды. Сейчас ярко, по-весеннему светит солнце, и снег в городе дотаивает.

Продолжаю заниматься с Олей. Умна очень и остроумна. Сдержанна очень, и в то же время по стихам чувствуется, что не девушка. Отчаянья как будто меньше. Читала мне еще серию стихов. Она их сейчас пишет очень много. Это мне не очень нравится. Тема все одна и та же – любовь к Славе Ш. Одно из них называется «Новый путь». Благодарность С. за то, что указал этот путь, и твердая решительность идти по нему. Хорошо, если на самом деле так. Искренне желаю ей и удачи, и личного счастья. По-прежнему стихи поют.

Вчера читал в Клубе молодежи отрывок из «Добровольцев». Они устроили литературный вечер, посвященный белому движению. Подготовились тщательно и хорошо срепетировали. Стихи читали средне, но провалов не было, и все вступительные слова совершенно грамотны. Народу было человек 45 – значительно меньше, чем на лекции Е.Ф.Максимовича об эпохе Николая II. Тогда в комнатушке набилось 85. Отрывок мой понравился. Таня Бем просила дать несколько страниц «Добровольцев» для журнала молодежи. Дам охотно.

17 февраля. Ярко светит солнце, тихо во всех отношениях, флаги, флаги... Чувствуется весна, хотя по временам рецидивы снега и мороза. Чайки в этом году мало кормлены, но по привычке летают белыми хлопьями около мостов и парапетов набережной, где их раньше кормили.

Занимаюсь теперь с Олей кроме французского, еще астрономией (теперь она включена в курс физики). Грустна, очень грустна. Вчера какие-то жуткие потухшие глаза. Явно думает о другом. Предыдущую ночь почти не спала. Наследственность у нее отвратительная. Бросивший ее с матерью папаша, кажется, профессиональный преступник, хронически сидящий по тюрьмам. По словам Славы, Оля его отцом не считает и никогда не видит. Он для нее не существует.

Теперь, после всех историй, она на «строгом режиме». Сидит дома, производит впечатление соловья в клетке и сильно тоскует.

Думаю, тут не одна метафизика, а физиология. В «Новом пути» она пишет:

Мне трудно в эту ночь уснуть,
 Но мне не тяжело, и не томит тоска,
 Передо мной открылся новый путь,
 И поведет меня надежная рука.
 Благослови, Господь, в дорогу, –
 Ты ж этот новый путь открыл.
 Я от грехов отвыкну понемногу
 И отряхну с печалью юный пыл.

8 февраля 1941

Любовь к Славе ее смиряет и облагораживает. Ему, не ставя точек над «i», при каждом удобном случае твержу о том, что у Оли замечательный талант и надо ее беречь, беречь...

Я решительно боюсь этих потухающих глаз и тоски в каждом движении. Стихи все лучше и лучше. Всюду, где ни читаю, производят сенсацию. Из последних более всего нравятся (и мне тоже): «Мы бродили в дожде...», «Ты пришел с печалью синюю в глазах». Самые последние стихи – о солнце. Одни серьезные – цветистый, персидский ковер. Другие скорбно-шуточные:

«Солнышко! Сожги науки...»

Когда читает сама, это «солнышко» звучит какой-то щемящей жалостью.

Я обращаюсь с ней, как с очень дорогой, очень хрупкой вазой. Страшно мне за нее. Не могу забыть:

Уж не сразу ли прибегнуть к бритве?
Но зачем же так спешить?

Умел бы молиться, помолился бы за нее. Сама кого-то просит:

Не жалея меня напрасно,
Не ищи во мне своих путей.
Помолись о мне всечасно...

26 марта. Холодно, гадко, гнусно, противно – вчера опять потерял один урок. Бьюсь, бьюсь и все не могу выбиться. Вчера плакался в жилетку Вере Александровне Введенской, приехавшей из Польши. Я люблю по душам болтать с этой умной молодой женщиной. Жаловался ей откровенно на то, что чувствую в себе кой-какие способности, а пропадают они даром.

Долго говорили об Оле. Я прочел В.А. много ее стихотворений. Она была поражена. Сказала мне вполне серьезно: – Такие гимназистки рождаются раз в столетие... Берегите ее...

Сколько могу, помогаю ей, стараюсь дать максимум того, что могу.

28 марта. Сегодня отвез в архив огромную свою рукопись (1059 страниц + 26 приложений). Когда-то она называлась «Рыцари Белой Мечты», потом переименовал в «За белой мечтой», а теперь назвал ее просто «Молодёжь на войне» (воспоминания офицера об учащих-добровольцах). Так лучше. Посмотрим, что дадут, если дадут. Там кое-что уже принадлежит архиву, но и за всеми вычетами остается 770 страниц, по меньшей мере 25 печатных листов. Должны были бы дать тысяч 5, но Бог его знает. (Дали 1800 крон – 22/X/41)».

7 апреля. Вчера опять был большой и грустный день. Придя в «Огонёк» (русский ресторан и клуб), узнал, что в шесть часов утра началась война с Югославией. Офицерская клика (традиционное балканское учреждение) и батюшки вогнали несчастную страну в это несчастье. Мы повторяем на разные лады – самоубийство, и я лично вполне с этим согласен. Никто не сомневается в том, что Югославия + Греция + англичане удержаться против немцев не смогут. Генерал Чернавин считает эту войну со стороны югославын безумием, которое не имеет абсолютно никаких шансов на успех.

Жалко и обидно и горько за наших (эмигрантов) в Югославии. Сколько их погибнет за чужое, храброе, но никчемное дело. Киру Вергуна, наверное, мобилизовали, хотя он и больной почками, где там разбираться... Жалко всю семью. Представить себе, как они, бедные, сидят в погребке. Говорил об Ириночке с Шаховской. Она чуть не плакала.

Интересно отметить prévisions (предвидение) генерала Кирея. Он, как всегда в шутиливой форме, объявил третьего дня:

– Господа главнокомандующие союзных армий, угодно ли вам согласиться с моим мнением?

Мысль генерала такая: основная задача немцев – не допустить отхода югославской армии в Грецию. Средство: сковывая на северном фронте армию де-

монстрациями, произвести главный удар из Болгарии по линии София – Ниш. «Господа главнокомандующие» согласились с генералом, но против его стратегически безупречного плана можно привести технические возражения. Вряд ли немцы успели сосредоточить главную массу своих войск в Болгарии – пути подвоза туда очень трудные. Кроме того местность в направлении София – Ниш крайне трудная. Я проезжал по этой дороге, и, надо сказать, наступать там, да еще крупными силами, мудрено.

От первых сообщений впечатление польское. У германцев, как следовало думать, огромный перевес в воздухе, и тыл югославян – греков – англичан будет разнесен вдребезги. Сегодня мы уже спрашивали друг друга, из какого порта англичане будут эвакуироваться. Опять состоится «небывалое отступление».

А основное впечатление – жаль бедной страны, которую военные конспираторы втянули в катастрофу. Сроков никто не определяет, но, думаю, что больше месяца дела не продлятся на всем полуострове.

А теперь совсем о другом:

– Вы нюхали рыжих женщин?

Это подлинный вопрос Оли, заданный самым спокойным тоном. Я усвоил с ней принцип *nihi admirari* (ничему не удивляться) и тоже очень спокойно поинтересовался, к чему это она...

– Говорят, рыжие женщины совсем иначе пахнут...

На сие отвечивал, что «рыжие встречаются преимущественно среди англичан и евреек, а я ни с теми, ни с другими дела не имел».

У Оли это совсем не бесстыдство. Она очень сдержана на язык, и в ее напряженных стихах нет и намека на неприличие, но вот, она так... С обычными мерками подходить никак невозможно... Также спокойно она говорит о загробном мире:

– Да, нам так недолго быть здесь и так долго там...

Сегодня был у меня Слава. Хотел подзаняться французским языком. У него «matura» (экзамен на аттестат зрелости). Занимались 1 ½ часа. Об Оле говорили два. Он говорит, что я – единственный человек, с которым можно говорить о ней откровенно. В любви к Оле он не признавался – теперь юноши сдержаннее, – но и так все ясно. Слава играет в ее жизни большую роль, и очень хорошую роль. Кто знает, может быть, это запись для биографов поэтессы Оли Крейчевой. На днях я, поднимаясь к Оле на урок, встретил отца Исаакия. Прошел под благословение и сказал, не стесняясь:

– Удивительный талант у Оли. Мне иногда кажется, отец Исаакий, что действительно восходит новая звезда русской поэзии...

– Да, я знаю... Дай Бог, дай Бог.

О. Исаакий сказал мне, что знает Олю с малых лет. В детстве была очень ласковой девочкой, а сейчас стала много замкнутей. У неё была в жизни тяжелая пора...

Последнее *création* Оли – шуточный тост на именинах бывшего одноклассника, казака из простых. Слава говорит, что казак весь в этих строках:

Да здравствует Фома

На многие лета!

Да будет у Фомы всегда монета!

Да будет радостно его житье!

(потомство)

Да прославится вовек Фома!
 Да изобилует Фомы кладовка!
 Да будет море водки и шамовка!
 Да не видать Фоме сквозь дым табачный света!
 Да всё сие на многия лета!

Собственно, эти короткие стихи порядком злы, но написаны были от чистого сердца, и простодушный казак остался в восторге.

Мои отношения с Олей ровные, дружеские. Она ко мне привыкла. Как будто оснований, чтобы поссориться, нет. Занятия космографией принесли пользу – она ответила, по-видимому, удовлетворительно.

9 апреля. Первый потрясающий день этого года. Три дня важные сообщения носили общий характер. Сегодня в 14 ч. с минутами впервые загремели барабаны и зазвучали фанфары марша Евгения Савойского. Прорыв в долину Вардара. Линия Белград – Афины прервана. Прорыв линии Метикса. 20000 пленных в Южной Сербии. Поражение англичан в Северной Африке.

Таким образом, «маневр Карел» осуществился точно. Генерал вчера просил отметить, что, по его мнению, Ускюб – Скопле должно быть правым флангом маневра. Прорыв будет произведен на широком фронте. Вечером в «Огоньке»:

– Что нового?

Мне отвечают зараз несколько человек – Солоники, Ниш, Ускюб, капитуляция греческой армии между турецкой границей и Вардаром, прорыв германцев в Албанию. Как я ни привык к их подвигам, но все-таки завертелся вокруг собственной оси. Словом, как в польские дни, появилась какая-то жуть. Такой страшной силы никогда еще никому не удавалось создать. Государства валяются, как карточные домики...

Жалко сербского народа, втянутого в авантюру, жалко – наших.

Холодно. Лежит вчерашний снег. Глаза у Оли потерянные, кашляет. Все это мне совсем не нравится. Отметки исправились – ни одной четверки в этой четверти. Физикой мы будем продолжать заниматься.

19 апреля. Югославия капитулировала. Греция рушится, а у меня от вечного холода болят колени и писать хочется об Оле. Мы с ней всё больше и больше становимся друзьями. В письме С.Ш. она написала, что я «вполне симпатяга» – это у них теперь одна из самых больших похвал. Не удивляюсь, если в один прекрасный день признается мне в том, что со Славой у нее близкие отношения. Похоже на то, но печалиться нет оснований. Видимо, она не девушка, а раз так, пусть лучше тихий, добрый юноша, чем какое-нибудь жулье.

Ко мне она порядком привязалась, сама говорит, что с нетерпением ждет, когда приду, но это все для ума, а Славой увлечена и сердцем, и телом. Тяжело ей, должно быть, с таким темпераментом. Я добродушно подсмеиваюсь над Дафнисом и Хлоей, как я их зову, передаю, когда просят, письма, и вообще немножечко режиссирую чужую любовь. Страшновато мне за Олю, но из всех зол это наименьшее.

Зато я без церемонии говорю теперь ей, что она ярко и неумело красит губы. Получается неудачно, а надо так-то и так-то, и вообще усвоить тон доброго, старшего дяденьки, который гладит милую племянницу по голове и бранит, когда считает нужным. Лет десять тому назад это была бы игра опасная, а теперь, говоря откровенно, соседство милой стрекозы никакого волнения не вызывает.

Я еще не видел ни разу, чтобы в неполных 18 лет физическая страсть так сильно давала себя знать. Глаза тухнут, томится, мечется, и вчера сама мне сказала (по случаю того, что Слава держит экзамены и они «целых» четыре дня не виделись):

– Мне холодно, холодно... Слушайте, бывает так вот... живут муж и жена, а потом муж уедет, и жене холодно и пусто одной в кровати?

Я уже никаким вопросам не удивляюсь. Улыбнулся и ответил:

– Не знаю, не знаю, я ведь женат не был...

А потом погладил черную, растрепанную головку и сказал, что Сафо такое, как у неё, состояние очень, очень хорошо описала столетий 26 тому назад. Или, скажем, взять Дидону...

Милая моя Крейчева – Сафо – Дидона от любовной скуки написала четверостишие, которое сама называет нелепым, и я с этим тоже согласен. Что-то вроде:

Настроенье седьмого сорта,
Пью кофей для спорта
И боюсь аборта...

Наставительно заметила, что все это только так, а тетки-сплетницы наделали бы шум. Так ли только, или это литературное хулиганство оттого, что в подсознании боится беременности? Этого бы только не хватало... Вчера голубки в чудесный, солнечный день бродили по пражским садам, а Славе нужно было готовиться к экзамену. Отец его и я сидели пять часов, переводя его латынь, а Дафнис и Хлоя грелись на солнышке. Не мое, совсем не мое дело, но М.С. женским чутьем догадывается, что я многое знаю, но молчу, и скоро будет злиться. Но Славе я эти дни очень много помогал в занятиях и потратил массу времени. Одно из моих желаний – пусть, во что бы то ни стало, кончит гимназию в этом году. И для него, и для Оли – тогда М.С. больше не будет в родительском комитете, где она, говорят, злостно вредит Оле.

Двадцать лет тому назад я писал дневники с материалами, важными и высокими, хотя время было тихое, а теперь, когда мир трещит, целые страницы о полудетском (но не очень) романе.

19 апреля. Через два часа пойду на заутреню «Настроение тихо-грустное...». Вспоминаю последнюю заутреню дома – бесконечно давно, 28 лет тому назад, когда я кончил гимназию. Мамочке, старушке моей милой, будет в этом году семьдесят лет, если жива. Если, если... Почти никакой надежды нет, но пока не знаю, что умерла, все-таки хочется встретить, а там, что думает обо мне, и там, если «там» существует, но ты не знаешь, ничего не знаешь. Если мы свидимся здесь, то это будет почти чудо. Есть же счастливые люди, у которых матери, жены, сестры здесь, просто в Праге, Париже, вообще там, куда можно приехать, увидеть.

Кстати сказать, Оля мне на днях заявила, на сей раз по-детски:

– Вы не можете умереть...

Я ответил, что очень даже могу. Рассказал о прошлогодней ране и внезапно поднявшемся давлении.

Показывал на днях её стихи Н.А.Цурикову. Он отнесся внимательно, похвалил, но нашел немало промахов – прозаизмы, рискованная рифма, чередование великолепных стихов с гораздо менее удачными. В общем же очень хвалил, но считает, что нужно работать и работать. Прибавляет:

– Работать стоит, потому что есть над чем.

До сих пор это самый сдержанный отзыв, но и хороший.

Разговения в этом году в «Огоньке» не будет, так как можно торговать только до часу ночи. Потребовалось бы разрешение из Берлина, и то вряд ли бы дали.

3 мая. Вчера узнал, что Вергуны живы и здоровы. Уехали в деревню под Белградом. Очень рад за них.

Вчера был страшно тяжелый разговор с М.С. об Оле. Я надеялся, что достоевщина кончилась. Она только начинается. М.С. нашла письма Оли к Славе и, по её словам, узнала из них, что отношения молодых людей зашли очень далеко и Оля хочет, чтобы Слава на ней женился. Ненависть М.С. бесконечна. Я пришел домой и написал ей умоляющее письмо, прося не губить Олю. Она явно хочет, чтобы Оля с собой покончила, а теперь осторожность ни к чему. Впервые со смерти папочки у меня текли слёзы, когда писал свое письмо. Я не могу больше ни о чем думать. Надо предотвратить несчастье, и не знаю, как его предотвратить.

3 мая, вечер. Заколдованный круг. Приехал сегодня к Ш., как было условлено, в шесть вечера. М.С. в постели. И.В. сказал, что из чтения сегодня ничего не выйдет (я обещал раньше прочесть «Муз» Клоделя в переводе Максимилиана Волошина). Думал, уходя передать письмо и просить на досуге прочесть.

Видно, не судьба. Узнал от Славы (он меня проводил), что М.С. целый день плакала, а затем, после обеда у нее сделался нервный припадок и обморок. Мне кажется, что это истерия. Думаю, сегодняшний припадок не без моей вины. У Ш. атмосфера крайне тяжелая. С неделю тому назад М.С., оказывается, объявила Славе:

– Ты не мой сын, – и перестала с ним разговаривать. Это, очевидно, из-за найденных писем. Вчера она мне начала жаловаться и, видимо, искала у меня сочувствия. Я же обратил внимание на странную ее ненависть к Оле и решил, что осторожность больше не к месту. Прямо грозила тем, что может, мол, принять против нее решительные меры. Я напрямик сказал, что ни за что не буду действовать против Оли, и припугнул М.С. ее самоубийством. Это не маневр – только самоубийства я и боюсь. Сказал, между прочим:

– Подумайте, М.С., какая ужасная тень ляжет тогда на всю молодую жизнь Славы...

М.С. всячески отводила разговор в сторону, уверяла, что Оля никогда с собой не покончит, что она истеричка, что Оля отплатила за добро оскорблениями и т.д. Я не хотел говорить о том, что М.С. от большой любви сама перешла к ненависти, распустила слухи о том, что Оля полуеврейка, всячески порочила ее имя и вообще злобствовала. Тяжелый клубок... На заутрене М.С. вдруг подошла христосоваться с Олей, и сама сказала мне:

– Состоялось наше примирение... Оля долго жала мне руку.

Все это было ни к чему. Ненависть опять вспыхнула. Во время вчерашней встречи я так и не дал М.С. уклониться от разговора о том, что в случае ее неосторожности Оля может с собой покончить. На прощание я еще сказал – не очень деликатно, но было не до деликатностей: «М.С., очень прошу вас подумать о том, что я сказал».

Я, по правде сказать, мало обратил внимание на реплику М.С.

– Да я сама готова с собой покончить...

Зато очень ясно запомнил: «Теперь между Олей и мной будет борьба не на жизнь, а на смерть». Записал и другую фразу, смысл которой был в том, что если

выбирать между Славой и Олей, пусть умрет Оля... Вот после всего этого я написал свое обдуманное письмо, умоляя М.С. не губить Олю. Сегодня М.С. была в таком состоянии, что передавать ей мое вежливое, но, по существу, очень резкое послание было невозможно. Придется пока оставить письмо у себя. Я пушу его, вероятно, в ход только в том случае, если узнаю, что М.С. предпринимает против Оли какие-то конкретные шаги.

Славе сегодня посоветовал беречь мать. Не сказал ему, что М.С. явно на грани психологического заболевания. Чего доброго, действительно покончит с собой. Вчера я был, по существу, и сух, и резок, но я не знал, что душевное состояние М.С. так нехорошо. Берегу Олю, прежде всего, но хочу, чтобы все были целы. Кроме того эти три жизни сейчас неразделимы. Думаю, что лучше всего мне к Шеттнерам некоторое время не ходить. Там не надо меня сейчас. Мое письмо – крайнее средство, которое я морально обязан пустить в ход, но сейчас рано еще.

Ну и клубок, ну и клубок... Как много отнимает у меня душевных сил. Вдобавок Слава и Оля сегодня поссорились (и не в первый раз), и юноша стал еще мрачнее. Но он, бедняга, прав, говоря о матери:

– Зачем выдумывать ужасы...

Запишу еще на память то, что вчера сказал М.С.:

– Драмы сами не возникают, их устраивают люди.

Она поняла, о чем я говорю.

23 мая. Вчера в гимназии был концерт хора в память Лермонтова. Все в костюмах. У мальчиков бедноваты, у девочек нарядные. Видно, много труда, и потрачено немало денег. В общем стиль faux-russe с чудовищной величины кокошниками – не то опера, не то мюзик-холл, но красиво. Танцы двух малых казачат-донцов с лампасами, как в настоящем французском фильме из русской жизни. Гиканье, свист и вообще... Но все-таки русский хор русской гимназии, хотя почти никто из детей и молодежи России не видел, а по крови получехи (в большинстве). Гимнов не было, флаги только русские (вокруг портрета Лермонтова).

Оля в ударе. Само оживление и огонь. Гуляли по коридорам. Говорят, сильно капризничала по поводу костюма и грозила не прийти. Глупый поступок умной девочки. Капризы у нее сильные и будут ей в жизни вредить.

Успела мне сказать, что замужества не боится, а ребенка, мол, заведет лет через десять. Я рассмеялся и рассказал несколько поучительных по сему поводу историй.

30 мая. Я сделал непростительную ошибку. Надо было предупредить Славу о том, что письма Оли надо убрать из дому. Я был связан обещанием Марии Степановны не подавать виду, что я знаю о находке писем. Но можно было намекнуть, что лучше быть осторожнее.

М.С. перешла к действиям и действует, как взбешенная кухарка. Взяла письма Оли к сыну, показала их Груздевой, причем сказала, что О. над ней смеется и называет ее «старушенцией», между прочим. Старуха велела Оле уходить на все четыре стороны. Утром она зашла ко мне и оставила записку, чтобы я не приходил на урок. Под вечер пришла сама. Я не мог принять ее дома (условия не принимать дам...), и мы пошли в кафе. Оказывается, Слава должен был прийти ко мне. Мы его встретили на улице. Ему удалось, больше или меньше, уладить дело и утихомирить гнев старухи. Оля останется у ней. Пошла вместе с нами отдать ключи квартиры (комнаты), которую ей кто-то предоставил. В пятницу

(сегодня) приезжаю на урок. Оказывается, у девочки 39,7. Лежит третий день. Официально инфлюэнца, на самом деле резкое обострение болезни яичников на почве волнения. Милейшая М.С. показала письма еще г-же Губчевской и отцу Исаакию. Оля решила, что кончит седьмой класс, но восьмого проходить не будет. Новое дело.

Пошел за лекарством, какой-то сильнодействующий порошок, так как температура начала сильно падать. Звонок. Слава с букетом. В это время я был один – Т.Г. пошла по делам. Изобразил из себя благосклонную *garde-dame*. Оставил детей целоваться. Должно быть, были поцелуи и в грудь. Как и следовало ожидать, температура вновь начала подниматься. Надо было мне предупредить Славу, что целоваться в таких случаях нужно как можно меньше....

Подумаю еще сегодня, посылать ли М.С. давно заготовленное письмо. Теперь, пожалуй, поздно. Но, может быть, все-таки она немножко одумается и не будет расширять скандалов. В таких случаях у нее – умной и от природы тонко чувствующей женщины – проявляется социальный атавизм. Дочь фельдшера становится вульгарнейшей кухаркой.

Я хотел сначала послать вежливое, но очень жесткое письмо в дополнение к тому, которое давно написано. Очень уже на меня действовало измученное лицо Оли и белые зайчики на столе. У одного из них оторвалось два дня тому назад ухо, и она от этого плакала. Иногда безмерно взрослая поэтесса бывает ребенком...

У Оли и Славы твердое намерение пожениться. Оля со мной стала откровенна, как никогда. Читала отрывки из дневника. Там есть вещи пристрашные:

– Люблю странное. Зачем быть как все?

«Сон, должно быть, сильно эротический: Мария Степановна положила меня с идиотом Кокой Данилевским в одну кровать. Я обещала У., что он будет моим вторым мужем. Это может быть цинично, но мне кажется, что первый мой муж скоро умрет (речь идет не о Славе)». Это не выписки, но очень близко к тому, что она мне читала.

Слов нет, при такой эротической конституции М.С. имеет основание волноваться, но зачем же делать гадости? Оля объявила мне:

– А все-таки Слава будет моим мужем, мы уедем куда-нибудь, будем вам писать...

Прямой вопрос:

– Николай Алексеевич, любите вы меня?

– Очень люблю, детка, совсем точно дочку.

– Вот мы в «любви» объяснились.

Совсем мне не нравится желание бросить гимназию, но, пожалуй, М.С. сделает действительно невозможным продолжение школы.

Письмо я, должно быть, пошлю. Надо подумать над препроводительным.

6 июня. Англичане борются за Атлантический океан, я борюсь всеми средствами за Олю, прежде всего против нее самой. Девочка изнемогает, остались одни глаза. Говорит, что не может жить с капризной, взбалмошной старухой, изводящей ее своими сценами. Оказывается, были и такие номера: «Уходи к своему Раевскому, Раевский – твой любовник». Ну и дура, ну и дура... Велела вернуть мне карточки на жиры, которые я ей отдал, заявив, что в благодетелях не нуждается. Мы условились с Олей, что я ничего об этом не знаю, а карточки использует она. (В конце концов, Груздева отобрала их обратно. Ложная дама.)

Девочка два дня не шла. Говорит, что не может, когда старуха кричит. Я принес сегодня ей большое количество конфет, подаренных моим учеником. Боюсь, что это будет ее единственная пища.

Долго и горячо убеждал ее не уходить от Терезы Германовны, не идти в комнату, которую ей предлагал какой-то молодой чех. Для меня ясно (и для Славы тоже), что это значит. Я прямо ей сказал на прощание – не ломайте свою молодую жизнь, не делайте того, что собираетесь делать. Я стараюсь быть как можно спокойнее и лить на всех участников холодную воду, но и сам уже начинаю терять спокойствие. Не обратиться ли к отцу Исаакию?..

11 июня. Боюсь, что у меня не хватает холодной воды. Едва успеваю предотвратить ссору Оли с Терезой Германовной, начинают ссориться Слава и Оля. Не хочу, чтобы ссорились, потому что иначе начнется уже начинающийся роман Оли с жуликоватым молодым чехом. Новая история (сплетни в городе):

Я живу с Олей. Я предоставил ей и Славе свою комнату, и они проспали у меня до утра, а я ночевал у товарища. Фу-ты, ну-ты... Я начинаю терять терпение. Явно руки какой-то злой, ревнивой бабы, но кто именно? А впрочем, черт с ними. Стоило лишь выйти из роли созерцателя жизни, и готово. Вчера водил Олю к знакомому хирургу, чтобы он направил ее дальше. При желании тоже можно сказать, что угодно... Ну и нравы в нашем болоте. Оля, к счастью, пойдет, вероятно, в чешскую колонию. Славу посылают в Германию. Дети будут тосковать, но, по крайней мере, на два месяца перерыв, и, надеюсь, *svatý pokoj* (будет спокойно).

Вчера вечером (на этот раз Оля совершенно ни при чем) я вел себя недостойно. Что же делать. Надо иметь решимость кончить историю, раз она безрезультатна.

19 ч. 30 м. Оля, Оля... Эта девочка волнует меня то радостно, то совсем недостойно. Только что вернулся с несостоявшегося урока. Она не была дома, хотя я прождал полтора часа у знакомых. Это меня тревожит. Сегодня случайно встретился в 8 ½ утра на Карловой площади. Выглядела ужасно. Вчера собиралась ссориться со Славой, передав ему письмо. Я отобрал конверт, заклеил и сказал, что смогу передать. Оно в заклеенном виде лежит у меня. Отдам потом. Уговаривал не делать глупостей. Говорила, что любит. Сводил после доктора на выставку тропических птиц. Понравилось. Мне сегодня не понравилось прощание. Посмотрела долгим и отчаянным взглядом. Совсем потусторонние глаза.

И на берег тот

Смотрю упорно я...

Боюсь, боюсь... Буду бесконечно рад, если просто проводила время с любимым своим мальчиком и решила плюнуть на урок. А пока беспокойно, тревожно на душе.

18 июня. Увы, кажется, я ошибся. Сегодня должен был приехать к Оле. Вместо этого, как только пришел в «Огонёк», Марков сказал: «Немедленно позвоните Ефремовой».

У меня сразу екнуло сердце: «Значит, что-нибудь с Олей». Приехал немедленно. Слава и Оля с вчерашнего дня исчезли... Меня спрашивают, не знаю ли я чего... Абсолютно. Дал честное слово по чистой совести. Не знаю ничего, но мне горько, страшно. Неужели два гроба? Я делал все, что от меня зависело, чтобы этого не было. И письмо у Оли отобрал в предчувствии драмы. У меня большое искушение его вскрыть. Нельзя, пока надежда есть на то, что живы.

Мария Степановна была, оказывается, в соседней комнате с Белецким. Говорили мы сравнительно спокойно. Я начисто сказал, что ни в чем себя виноватым не чувствую. Пришлось говорить резко – с Олей я ничего не имел, свиданий у себя дома не устраивал. Любви сочувствовал. Разговор тягостный. Признался, что написал М.С. отчаянное письмо после нашего разговора в библиотеке. Умолял ее не преследовать Олю. Это ее задело за живое – совесть, явно, не чиста... Начала уверять, что никогда, мол, Олю не преследовала. Лжет...

На прощанье я сказал Вере Петровне, что боюсь самоубийства. М.С. как будто его не боится (не оставил ли Слава письма?). В ней все-таки много от кухарки. Добрый час чернила в моих глазах Олю. Оказывается, они с Т.Г. читали Олин дневник, где мне будто бы «шекочет по носу...». Я не желаю копаться в бабьей грязи. Чужих дневников не читаю.

Меня не мучает скандал. В чем я, в самом деле, могу себя обвинить, и в чем меня могут обвинить. Оля, тихая, редкая девочка. Неужели ее жизнь уже... Неужели та встреча была последней... Олечка, Олечка, гордость нашей поэзии, талант несравненный... Неужели не увижу тебя... Я доволен, что Кира мне предложил три больших рюмки вермута. Я бы хотел выпить до потери сознания.

Сейчас, по здравом размышлении, я нарушил свое слово и вскрыл письмо Оли к Славе, которое я отказался передать и сказал, что сжег. Сделал это, думая, что смогу помочь в том, что произошло. Ничего особенного там не оказалось. Декламация. Желание выйти замуж. Слава Богу, ни намек на самоубийство. Это было написано 11 июня. У меня получается кое-какая надежда на благополучный исход

19 июня. Спал не больше часа. Мучительно смотрел в темноту. Есть не могу. Жду почтальона. Сегодня будет очень страшно звонить Ефремовым. Почтальон ничего путного не принес. Состояние отвратительное. Хочу спать и не могу. Хочу есть и тоже не могу. Перебираю в памяти все, что сделал за эти шесть Олиных месяцев. Ни в чем себя не могу обвинить, кроме того, что не предупредил вовремя Славу насчет писем...

Олечка, Олечка, будь жива...

14 ч. Солнце опять заблестало ярко. Живы... Глупые дети провели вместе сутки и вернулись. Думаю, Оле придется-таки уйти из гимназии, но самое главное, что жива. Когда я услышал в телефоне голос Веры Петровны, я сразу ожил. Слава Богу, слава Богу, что бы дальше ни было. Живы. Я с новой силой почувствовал, как мне дорога эта девчонка.

17 ч. Потом это пройдет, но сейчас ощущение большой оскомины от этой громкой истории. Зачем все-таки так поступать...

21 ч. Оказывается, только я успел уйти из «Огонька», пришла туда Оля. Очень хотела видеть, что-то объясняла насчет урока, на который не могла прийти, казалась расстроенной, когда узнала, что меня нет. Что сие значит, не знаю. Уж не послала ли ее старуха, желающая мириться? Не знаю теперь, как с ней встретиться и что происходит.

21 июня. Написал вчера Оле письмо с просьбой прийти в «Огонёк». Написал на гимназию, но не знаю, продолжает ли она туда ходить. На всякий случай написал осторожно и обругал только «читательниц чужих писем», не называя их. Я должен, во что бы то ни стало, выяснить отношения с Груздевой. Самое правильное было бы обратиться к суду, но я не могу этого делать, чтобы не компрометировать Олю.

22 июня. Вчера провел чудесный день в Семинарском саду. От милого соседства зелень ярко сияла разными красками, как давно не сияла. Пили кофе, читали Гумилева. Было чудесно. Она почти голодает дома. Старуха дает четыре кроны в день. Не знаю, как помочь.

Сегодня один ходил в Збраслав, много купался, жарился на солнце. Ни о чем не думал. Сходя с парохода, прочел потрясающую газету. Почувствовал, что все сдвигается с места, в том числе и моя жизнь.

Дома узнал новость, для меня совсем неприятную. Может, последний вечер на свободе... Ну, что же делать. Но я ни в чем решительно не чувствую себя виноватым. Теперь положение совершенно ясное. Или Германия победит, или мы погибнем.

23 июня 10 ч. 30 м.-16 августа 10 ч. 45 м. Karlsplatz 23 – Zelle 32 (Карлова площадь, камера 32)

Много, много пережито и передумано... Встряска была большая. Увидел жизнь со стороны, мне до того совсем неизвестной. Когда вышел, всё самое обыкновенное казалось чудесно хорошим.

Какое наслаждение ходить по улицам, ездить в трамвае, делать, что хочешь. Как вкусен белый хлеб, и как приятно есть из тарелки.

Но чудеснее всего природа, особенно первые дни. На Карловом намести ослепительно огненно-красные цветы и удивительное, нездешнее дерево – плакучая ива. Я никогда не догадывался, что она так хороша. От 22 (августа) до 1 сентября я, почти не веря глазам своим, бродил по лесам и горам в окрестностях Dobříša. Сначала с трудом и потихоньку, а в канун недели уже проделал 25 километров хорошим ходом.

И люди хорошие... Мне действительно оказывали массу внимания даже те, которые обычно относились ко мне сухогато. Думал, что почти что забыт – не до меня теперь. Оказалось, заботились многие, а еще больше вспоминали и жалели. Узнал, что некоторые дамы даже молились за меня. Сестры Черниновы от полноты чувств расцеловали меня, а первой уже 17 лет. Пришла ко мне Оля. Я обнял и крепко поцеловал милую, славную девочку. Рассказала мне о своих несчастьях, теперь на самом деле грустных. Кое-что не стоит заносить на бумагу... Тяжелые вещи.

25 (перечеркнуто и исправлено на 18) мы были там же, где 21 июня, – в домике, предназначенном для солнечных ванн. Оля, по примеру окружающих, сняла с себя все. Осталась в длинной рубашке и штанишках. Я сидел без рубашки. Публика в саду была семейно-пролетарская, но мы-то с ней сейчас разве не пролетарии? Словом, на горячем солнце было чудесно, а после 48 часов после освобождения почти невероятно.

Провели мы вместе большую часть дня и потом еще раз грелись на солнышке 19-го в том же саду. На этот раз костюм загорательный: штанишки и платочек, очень ловко превращенный в предельно маленькую распашонку. Жизнерадостная в этот день проказница открыла солнышку все, что можно было открыть, оглянувшись по сторонам и заявила:

– Ať mně vylezou na záda... (Пусть идут к черту).

Да, девушка весьма не тургеневская, но прелесть, но умница (жаль, что не всегда...).

Вернулся через десять дней и увидел больную, сразу исхудавшую, отчаянную... Провалилась на переэкзаменовке, М.С. добилась того, что в гимназию,

не исключая, запретили ходить. Самое главное, здоровье. Совсем больна бедная моя детка. Надо оперировать и поскорее – болезнь запущена порядком. Чем бы ни кончилось все это (надеюсь, кончится благополучно), вечное спасибо доктору. Оперирует бесплатно. Но за санаторий надо заплатить, и, что же делать, я гарантировал уплату 1000 крон, ничего не имея, кроме долгов. Хорошо еще, что можно не сразу. Но я предложил, не колеблясь. Не могу же я довести до того, чтобы эти умные, грешные глазёнки погасли... Как-нибудь заплачу. С аппендицитом шутки плохи. Только бы не было осложнений. Слаба, истощена, измучена переживаниями последних недель. Оперировать будет отличный хирург – прямо сказал, что делает это для меня. Помогли Олины стихи, переведенные мною на французский язык.

Я сделал все, что мог, и вряд ли бы кому удалось сделать больше. Надеюсь, что все обойдется хорошо, но все-таки нехорошо, тревожно на душе. Будь верующим, помолился бы за нее.

21 сентября, воскресенье. Итак, в среду Олю оперируют. Завтра мы еще пообедаем напоследок. Нехорошо, тяжело на душе. Боюсь, боюсь, чтобы вообще не был последний раз, хотя лучших условий сейчас для нее не придумаешь.

22 сентября. Встретились в «Огоньке». Потом посидели на террасе «У Манеса». Состояние Оли мне решительно не нравится. Очень хочет, чтобы поскорее оперироваться, и как будто не трусит. Трушу больше я. Лапаротомия всегда не шутка... Всегда опасность тромбоза. Было яркое теплое солнце. Влтава блестела. Оля, с видом примерной девочки, занималась рукоделием. Уголки рта опускались. Явно собиралась плакать. Раз только рассмеялась...

Я твердил о том, что жизнь все-таки хороша и все устроится, все образуется... На прощание поцеловал ее. Ведь, может, никогда больше не встретимся. Сидела на парапете – клетчатый колпачок снегурочки, тоненькая, стройная на фоне сверкающей реки. Буду надеяться, что это не последнее...

Ну и сеть сплетена вокруг нее! И продолжает плестись. Глухая старуха Груздева «звонит», что я отчаянно влюблен в Олю и, кажется, через меня все несчастье. Вот это, называется, здорово... А я все-таки буду грести против течения, и Ольшанам (кладбище в Праге) ее не отдам, сколько сил хватит.

25 сентября. Ну, кажется, все улажено. Сегодня доцент Кафка должен был отвезти Олю на автомобиле в Roudnice и сам произвести операцию слепой кишки. Гинекологическую операцию (выпрямление матки) сделает его товарищ, primář (главный врач) больницы. Больная останется под наблюдением по указанию доцента – Feci quod potui... (делаю, что могу). Буду вечно благодарен Кафке. Он вообще денег с меня брать не хочет. Я выразил желание заплатить 1000 крон в рассрочку. Это бы окончательно запутало мои дела, но мне казалось, что нет другого выхода. Кафка обещал оставить на мое имя письмо с извещением о том, как прошла операция, так как он сейчас же после нее уезжает в отпуск.

Вот внешняя сторона. Она как будто вполне удачно сложилась после многих колебаний и сомнений. Внутренне же я на редкость волнуюсь. Сейчас, вероятно, дорогая девочка уже очнулась от наркоза и сильно страдает. Что же делать – нужно было. Слабенькая она, худенькая. Боюсь тромбоза, хотя у таких юных он, кажется, редок. Опять-таки думаю – помолился бы за нее, если бы верил по-христиански. Не знаю, как чувствует себя Слава. Он мне кажется порядочной размазней.

29 сентября. Доктор велел мне передать, что у Олечки был хронический аппендицит и сращение отростка с соседними органами, которое и вызывало боли. Операция сделана, и все обстоит благополучно. Написал Оле длинное письмо. Писал сдержанно – у неё всегда может попасть в чужие руки. Больше – поэзия.

7 октября. Вчера привел в порядок мамочкины письма (37). С тех пор как в начале 1938 года вернули недоставленную посылку из Каменца, у меня не хватало духу за них взяться. Теперь перечитал письма все по порядку, и на душе была теплая грусть. Почти наверное нет в живых моей старушки, и все-таки хочется верить... Спрашиваю себя, как бы отнеслась мамочка к моим заботам об Оле. Думаю, одобрила бы меня и приласкала ее.

Оля написала мне открытку 2/Х. Сообщала, что чувствует себя отлично и в воскресенье, вероятно, выйдет. Сегодня говорил с Кафкой. Оказывается, не все гладко. Образовалось нагноение шва. Придется еще полежать. Вообще Кафка находит, что организм сильно ослаблен. Выздоровление могло бы идти лучше. Надеюсь все-таки, что он мне говорит правду и ничего серьезного нет.

8 октября. Один из исторических дней. Ясный, солнечный, теплый. Без двадцати два начались внезапно марши и сообщения о предстоящем wichtige Landesmeldung. В два затрубили трубы и загрохотали барабаны. Тишина.

Огромная победа на среднем участке. В районе Вязьмы окружено несколько советских армий. Гимны. Песня русского похода. Против обыкновения 3 минуты молчания в честь павших.

Интуиция мне говорит, что на сей раз это конец. (Примечание Н.Р. 7/V/42. «Хороша интуиция...»). Большевики не смогут парировать удара, и в самом близком будущем германцы войдут в Москву.

Эти недели маленькие дела, маленькие радости и горести заслонили от меня горизонт. Сейчас, впервые после освобождения, чувствую, что совершаются великие дела. Практически, вероятно, зимней кампании не будет. Перспективы ее меня, как бывшего военного, сильно удручали. Но немцы, по всему судя, успеют вырвать решение до наступления морозов. Как жаль, что 22 года назад не добились его мы...

Должно быть, час возвращения приближается. И все-таки от дел великих к маленьким, но дорогим. Напишу Оле, чтобы пока что училась и готовилась. А в России я ей так или иначе помогу.

10 октября. Сроки близятся. Из сегодняшних газет это ясно. Кой-какое военное чутье у меня все-таки есть. Когда был отрезан от мира, спорил со своими соперниками о том, как разовьются события. Упорно стоял на том, что Красная армия будет, несмотря на все, разбита, так как солдаты храбры, оружия много, а командуют все-таки унтера против маршалов. Так оно и оказывается. Можно думать, что Москва будет взята совсем скоро. Думаю, не позже, чем через две недели. Но что потом? Сегодня в газетах сообщение о том, что Рузвельт принял Керенского. Этого только не хватало. «Главноуговаривающий», во всяком случае, может остаться в Америке. Но что же, в конце концов, будет на этой стороне?

А я в огромно-исторические дни даю свои уроки, делаю долги, плачу их, читаю геологию Армении (все для Пушкина), разбираю архив Землячества и постоянно думаю об Оле. Завтра опять напишу о перспективах. И для неё в том числе, но вот для меня... кто его знает. Всякое возможно.

22 октября. Оля все еще в больнице. Начинает гулять, все ест (и даже ягоды шиповника в парке – с голодухи, что ли?), но в Прагу не отпускают. Очевидно, какие-то осложнения. Доцент сказал – образовался, мол, инфильтрат (?). Уважая медицинскую тайну, не спросил, где. Во всяком случае, она в надежных и внимательных руках. Переписывается часто. Получил от нее шесть писем, сам отправил семь. Большая, большая нежность у меня к измученной девочке. Все, надеюсь, наладится. Опасное позади. Кафка опять говорил, что может стать неузнаваема ... (?) Только бы держала себя больше в руках. Прелестны ее «Ели», написанные в больнице 9.X.41:

Гибко гнутся ели кружевные
 Под хрустальным ливнем тонких струй,
 И, оплакивая сны лесные,
 Лету шлют прощальный поцелуй.
 Где-то близко, в царстве снежных теней
 Ткут узоры звёздных покрывал,
 Чтоб украсить сотни темных елей
 На алмазный белый карнавал.

9.X.41, Roudnice

Хорошо и «Письмо»:

Милый, дорогой, далекий,
 Я к тебе, наверно, не вернусь,
 Позабудь мои упреки
 И подчас навязчивую грусть,
 Мы печально расстались.
 Чтоб не лить прощальных, скучных слез,
 Губы молодо смеялись
 Под тяжелый перезвон колес.
 Поезд ринулся в путь дальний,
 Дождь заплакал тихо под окном,
 Это он такой печальный,
 Завладел моим умом.
 Ты давно ушел с вокзала,
 Поезд мчит гремучею змеей,
 Я невольно заскучала...
 Все проходит. – Правда, милый мой?

3.X. 1941 г.

21 ноября. Оля давно вернулась. Я писал ей, что у меня большая, большая и, по-моему, хорошая нежность. Za to nemůžu (я в этом не виноват), как говорят чехи. Это мало мне знакомое чувство теплой нежности все сильнее и сильнее. Точно, в самом деле, дочка моя. Иногда ловлю себя на мысли, что не совсем-то дочка... Операция пошла на пользу. Осложнения еще не совсем вылечены, но она взрослеет, здоровет, скоро, в самом деле, станет молоденькой женщиной. По одной моей версии, черноглазый хороший Зайчик, но по другой, принцесса Гамахея из «Meister Froh». Что с нею делать – надо крепко себя держать в руках. Le ridicul tue (смешное убивает), а пока все хорошо.

На днях были в Университетской библиотеке. Соседство принцессы Гамахея действует. Я еще никогда так не чувствовал декоративную красоту большого зала. А лестница в Славянской библиотеке была освещена боковым светом и казалась совсем уже фантастической. Ох, держитесь, капитан Раевский, чтобы не поднялась буря осени холодной...

Во вторник доцент (Кафка) пригласил Олю и меня провести где-нибудь вечер. Он-то наверняка околдован весьма основательно. Вот ведь дела. Видимо, нарочно не хотел оставаться вдвоем. Мы попали на Малую страну. Туман, туман, древние дома. Звонкий голос Оли: – Так вы доктор? Какие-то закоулки. Только бы ногу не сломать. А принцесса Гамахея, оказалось, знает здешние кабачки на память. Скользит впереди к «Трем страусам». А 39-летний хирург и я, 45-летний, идем за ней весело в странном недоумении. Вечер совсем в духе Гофмана. Оля, кажется, заметила, что мы зело удивлены, и пила только гренадин. На нее находят иногда припадки благоразумия.

Сегодня говорил с германским полковником. Грустно. Нет больше Царского Села. Одни развалины там. Девочки, мои ученицы, любовались французской книгой о Царском Селе. У них есть вкус. Особенно девушка с разбитым кувшином понравилась. Должно быть, и ее разбили советские снаряды.

Наши уроки с Олей (во вторник и пятницу) большое развлечение для меня. Кажется, и для нее.

29 ноября. Человек предполагает... Сегодня я собирался написать Оле письмо и выбрать ее. Опять, кроме Славы, флирт направо и налево, неприятности в общечитии, непонимание своего рискованного и сложного положения. Меня уже утомляет постоянная тревога за нее. Вместо нравоучительного письма, каюсь, впервые сегодня поцеловал ее в губы. До сих пор иногда целовал «доченьку» в лоб. Налетела волна нежности – и на нее, и на меня. Сказала, что видела меня во сне. Шли по лесу в Индии. Чувствовала себя, мол, чудесно. Поднималась по каким-то ступенькам к озеру. Там двое братьев собирались купаться. Один сделал вид, что тонет. Другой вытащил его, но почему-то взял скелет и череп, положил в шкатулку и бросил в воду. Что сие значит по Фрейду?

Я рассказал ей о своих тюремных видениях. Оля, кофейно-коричневая от загара, среди бедуинов в темной пустыне. Обнаженная, худенькая спина и кораллово-красные губы... Я проводил ее до Кафки, мы выпили в подъезде, поцеловал лапку с одной и другой стороны, и вдруг мы согласно и крепко поцеловались.

Капитан, капитан, куда вы идете, куда заворачиваете. Надо взять себя в руки – иначе игра начинается опасная и нехорошая с моей стороны. Много целовались в губы, но мне, с моими седеющими висками, не пристало. Я перезнакомил Олю с нашими в «Огоньке», и она храбро садится за генеральский стол. Держит себя естественно и хорошо. Не кривляется, и вообще молодцом.

14 декабря. Во вторник (10) принцесса Гамахея принесла мне «*Cactus grandiflorus*». Нельзя было не поцеловать ее... Продолжает лечиться. У нее, по всей видимости, хронический оварит или что-нибудь в этом роде. Бедная девочка должна была раньше сильно страдать (кажется, это уже издавна), и никто о ней всерьез не заботился. Очень надеюсь, что ее окончательно починят. Выглядит уже много лучше и начинает физически развиваться. Раньше была грудка 15-летней девочки.

1942

2 января. Опасная волна спала. Еще раз целовал Олечку как будто и по-дружески, а на самом деле нет. У меня потом горели щеки. Ей, кажется, было неприятно. В мои именины (19 декабря) привела по своей инициативе Славу. Должно быть, хотела напомнить, что все остается по-прежнему. Я принял их радушно, но Славе было не по себе. Не оттого, что Оля бывает у меня – учителя, а от прошлых своих, не очень-то чистоплотных деяний. Результат же тот, что больше в губы не целую, и щеки не горят. Мы по-прежнему остались друзьями. Так привыкла ко мне, что не постеснялась попросить ваты, когда понадобилось. За это хвалю. Не хвалю за некоторую беспринципность и расчетливость не по летам. Сегодня пришла расстроенная. «В чем дело?» – «Один дурак сделал мне предложение...»

Разговорились. Ему 34 года. Чех, коммивояжер, собирается уехать в Германию и открыть там «винарню» или бар. Срок на ответ две недели. Казалось бы ясно – отказать, и дело с концами. Тем более не впервой – создалась, что это седьмое или восьмое предложение (3 или 4 месяца – почему-то два чеха, 1 русский). Первое было в 15 ½ лет. Оля тем не менее колебалась и нехорошо колеблется.

Я, уверенный в ее ответе, сказал было:

– Вот уже не представляю тебя в этой роли – *paní majitelka vinárny nebo baru* (хозяйки винного погребка или бара. – *В.К.*) Сцены ревности с муженьком из-за тамошних девиц.

– Я бы не ревновала, если бы вышла за этого типа... Скорее, ему бы пришлось ревновать...

Продолжает разговор:

– Грустная, должно быть, вещь выйти замуж без любви... Ну, раз он меня любит...

Пошла на очередное свидание со Славой. Говорит, подразнит его. По существу, она прежде всего, и всерьез, любит Славу, но параллельные романы продолжают. Доцент пробовал на этот счет говорить, но наткнулся, по его словам, на стенку. Это обстоятельство сильно не нравится врачам и мне тоже. Опять потеряла килограмм – должно быть от беготни.

Так, в год третий мировой войны, во время событий, от которых зависит все – в том числе и моя жизнь, – больше всего думаю о делах моей дорогой доченьки.

Новый год встречал у Черниковых. Очень нарядно. Человек двадцать за столом. Много цветов, много бутылок, нарядные красные свечи. Великое множество вкусных бутербродов, с икрой в том числе. Барышни-хозяйки в бальных туалетах с гардениями и орхидеями. Общество опасно смешанное – русские, чехи, немец и француженка. Все обошлось прекрасно. Француженка, выпив изрядное количество водки, напевала немецкий гимн. «Враги» вместе спели «*Modelan*», но не *de querre, a d'ogan – querre*. Любители общих песен возмущены, но это так. Перед 12 открыли радио. Гимн, удары гонга и колокола звучали очень торжественно и стильно. Галочка попросила меня выпить с ней за Африку... Бедная, очень волнуется – кажется, настоящая любовь. Мне пришла в голову кинематографическая тема – наш нарядный, благополучный ужин вперемежку с картинами на разных фронтах, особенно на русском.

6 января. Человек предполагает... Дал себе слово больше не целовать Олю, даже по-дружески, и опять сегодня целовал. По случаю сочельника решили (то

есть, собственно, она решила) не заниматься. Читал ей давно обещанные страницы из дневника. Было уютно и хорошо, особенно когда разгорелась печка. Понемножку дурили. Оля решила влезть мне на спину. Разрешила разок поцеловать в губы – «ради праздника». В щеки много раз. Грешен, грешен. Но Слава может быть спокоен – я никогда не забуду и только не могу справиться с приливом нежности. Она опять хорошо себя чувствует, глаза блестят, щеки румяные. Милый мой, славный, талантливый Зайчик. Как ее можно было травить. После нашего чудесного сочельника началось совсем другое. Надо еще не забыть – во-первых, в воскресенье идем на «Волшебную флейту» (я вдребезги разорился), во-вторых, своему «предложителю» она отказала (что и требовалось доказать). Вечером я один попал в «Огонёк». Попросил меня присесть за свой стол бывший мой солдат Смиринский. Началось чинно, кончилось скандалом. Пришла некая мадьярка, сорвала скатерть и начала бросаться пивными кружками. Я вовремя взял пальто и ушел. Вот и садись с такой публикой. Совершенно *venkovská hospoda* (деревенский кабак).

Сегодня Оля мне рассказала кое-что из своего эротического прошлого. В три года уже помнит что-то похожее на влюбленность. В 9 влюбилась в ровесника. Дралась из-за него с другой девочкой и таскала ее за волосы. Не целовалась, но видела во сне, что целуется. Объяснялась в любви и считала, что такие объяснения обязательно должны быть на «вы» – Я вас люблю. – И я вас люблю. – В десять видела нелепый сон – будто бы она лошадь и родила жеребенка. В 11 была влюблена в третий раз. В 13 начались эротические сны. Целовалась впервые в 15 ½ лет. Через год стала женщиной.

31 марта, вторник. Оля пришла на урок с большим опозданием. Остановилась только выпить чаю. Прелестная девочка-женщина. Сидели так, молча. Потом отошла к окну и весело, проказливо объявила мне:

– Николай Алексеевич, а вдруг у меня будет детеныш.

Давно уже подозревал – живот заметно вырос, грудь тоже, переписка между докторами, несколько обмороков... Я все-таки не нашел, что ей сказать. Удивил здорово – жизнерадостный вид.

Потом виделся с Мельницким. Ему она уже сказала, что твердо решила родить... Счастлива. Хочет стать матерью. Смешная. Полковник только повторяет: «Молодец девушка!» Слава обещал жениться, но настроен кисло. Оля прибавляет: «Точно ему родить, а не мне». Поговорил с доцентом. Он связан профессиональной тайной и точки над «і» не ставит. Сказал, однако, что тот оборот, который приняло дело, ему начинает нравиться.

5 апреля. Пасха. Долго и сердечно говорили с Олей в кафе «Прага». Не хотелось расставаться. Маленькая мама храбро хочет ребенка. Посоветовал прибегнуть к посредничеству о. Исаакия. Оля по-прежнему трогает меня храбростью, блеском глаз, остроумными словечками. Никакого смущения. Никакой депрессии. Со стороны глядя, это трогательное безумие, против которого, однако, возражать нелегко. Я хвалю и ободряю, хотя совершенно не вижу, на что же дети будут жить... Прорываются у нее озорные словечки, вроде «я больше всего довольна, что подложила свинью М.С. Подумайте только – 41 г. и бабушка!»

Я жду бешеной реакции мамы и думаю, что о. Исаакий, если сознаться, сможет быть самым лучшим посредником. Однако, поскольку Оля твердо решила быть матерью и Слава признает отцовство, что М.С. может сделать? Все козыри

сейчас на руках у Оли, и хитрая девочка отлично это понимает. Слава опасается, что мамаша припишет ребенка мне... Ну, пусть только попробует. От поцелуев не забеременеешь (да никто о них и не знает). Я, в случае чего, предложу дать свою кровь для анализа и напишу под присягой, что молодые люди продолжали встречаться. Свидетелей тому немало – в том числе и немцы, так как сердобольный немецкий врач разрешил Оле навещать Славу в больнице и там же хранилось все, что с ней связано. М.С. может еще спасти лицо, помирившись с Олей и согласившись на брак. Тогда и я, для восстановления прежних отношений, возобновлю знакомство, если она пожелает. Оле я советую не противиться мировой и забыть прежнее, если примирение станет возможно. Совсем «happy end» по всем правилам. Я только плохо в него верю, вернее, не верю совсем. Злобная, истерическая женщина пойдет на все, и надо быть ко всему готовым. Одна надежда на то, что Слава будет хоть немного женщиной, а законы за Олю – и немецкие в том числе. Честно говоря, мне все-таки грустно. 16-летняя дева уже Заинька черноглазый, очень наполнила мою скучную жизнь. Много было треволнений и забот, но без них было бы пусто и станет пусто. Я мечтал о весенних прогулках, солнце и хороших разговорах в цветущих лесах, а теперь всему конец. Тонкий человек, Оля сразу почти сказала:

– Не придется нам бродить, Николай Алексеевич...

Ну, что же... Так и должно быть. *La ridicule tue – ridicule* (смешное убивается – смешным). Забыл еще записать, что с 16 января мы с Олей на «ты». Слава об этом знает. Выпью при случае и с ним.

7 апреля. Много, очень много воды утекло, что не писал дневника. Дома была холодища, а таскать тетрадь в кафе не хотелось. Зимняя кампания большевиков не удалась. Оля, Зайчик мой черноглазый, беременна. Вот два факта, которые больше всего меня занимают. Олину историю только обрывками записал в календарик, чтобы не забыть даты. Говорит, что ребенка они со Славой «создали» либо 4, либо 17 января. Для меня было совершенно непонятно, почему в январе она одно время совсем было собралась ехать в Берлин служить. Предоставилось место здесь, и мы поэтому общими усилиями ее отговаривали. Полная свобода в огромном городе была бы для нее опасна. Словом, начала было служить здесь, но ничего не вышло. «Hotelier» устроил ее у приятеля в надежде сделать своей любовницей, а она не захотела. Попросили о выходе. Стремление уехать из Праги, должно быть, объяснилось. 20 февраля, в пятницу, не пришла на урок и сказала затем, что ее целый день рвало и было 2 обморока. Я сейчас же с тяжелым чувством послал ее к Кафке. 24 виделся с ним. Записал у себя «объяснение откровенное и для обоих неприятное». Доцент был попросту взбешен.

11 апреля. Кажется, моя борьба за Олю подходит к концу. Пока все благополучно. Ребенок, несомненно, Славин. Он переживает острое счастье. Вчера долго сидели со Славой и с Олей в кабинете Кафки. Почти год не видел их вместе. Оля у меня очаровательная лентяйка. Я, вернувшись в кабинет, сказал им:

«Дети, не разводите церемоний – целуйтесь себе...» Оля с сияющей мордочкой пригнулась муженьку на колени. Он ласкал ее сдержанно, но умело и радостно. Хорошо все-таки быть молодым. Я так никогда ясно не чувствовал, что зря, нелепо прозевал жизнь. Эти не зевают.

Потом Оля налила нам докторского ликера и предложила выпить со Славой на брудершафт. Я, положим, сам ей об этом сказал несколько дней тому назад – иначе неудобно называть ее на «ты». Затем мы впятером – Кафка, певец Сво-

бода, Слава, Оля и я – ели козленка с картофелем (какая редкость) и пили сект в большом количестве. Оле, впрочем, доцент пить запретил.

Дело, кажется, идет хорошо. Кафка доволен. И.В., оказывается, еще в прошлом году говорил знакомой даме, что если у Славы и Оли будет ребенок, он им поможет. Вероятно, уластить его будет нетрудно. Весь вопрос в матери. Слава считает, что ее сам Господь Бог не в силах заставить переменить свое отношение. Объявит, возможно, что этот ребенок не иначе, как мой. Лично я думаю, что этого она не сделает. Возможно, что и сдастся. Нужно только действовать умело, неожиданно и решительно. Советую Оле как можно скорее легализовать свое рабочее положение и затем не терять времени.

Вчера у меня вообще отлегло от сердца – Слава любит ее скорее больше, чем раньше, с тех пор как узнал о ребенке. Хороший признак. Вообще все проводим свои роли пока совсем неплохо. Думаю, что и мне удастся быть добрым дядюшкой. Не жалею времени, хлопот да, по правде говоря, и денег. На днях были у Ч. Оля там была молчаливой, тихой, наблюдательной деткой. Она производит отличное впечатление. Странное дело, почти везде пожилые мужчины целуют ей руку (молодежь, конечно, нет). Когда Б., которому 62 года, почтительно наклоняется к ручке 18-летней поэтессы, это выходит даже смешно. Он вполне сознательно целует ей руку за талант.

Жизнь, как она есть. Возвращались от Ч. пешком, выпив много чаю. Остановились:

– Я уже дальше не могу идти...

– Ну, устраивайтесь...

Я перешел на другую сторону. Темная фигура подошла к фонарю, а я к – другому. Потом мы смеялись и решали вопрос, что сделали бы в нашем положении Анна Каренина и Вронский. Оля того мнения, что Анна вернулась бы домой с мокрыми туфлями. Ну и язычок...

– Ваша Верочка выходит замуж, но за чужого человека, а я за своего мужа... Так же лучше. Раз мы муж и жена, так должны же у нас быть дети.

В гимназические рамки ее действительно уложить трудно.

В глубине души мне не только хорошо, но и грустно. Вот и Заинька черноглазый, ласковая моя радость, уйдет из моей жизни.

19 апреля. Начинается последнее действие... Я попытался быть режиссером, но плохо, кажется, обдумал, что надо делать, не рассчитал времени. В субботу Слава должен был переговорить с отцом Исаакием, а в пятницу М.С. сказали, что она скоро станет бабушкой... Очевидно, беременность Оли заметили и передали. Пока знало о ней лишь 4-5 человек, и, несомненно, знавшие разболтали. Объяснение Славы с родителями уже состоялось. Они очень удручены (вполне понятно...), но отнеслись спокойнее, чем можно было думать. Слава держал себя хорошо, не запирался и вообще был молодцом. М.С. сказала, между прочим, «жаль что Х. попала в сумасшедший дом, а не я». Отец рассчитывает, что „рѣсе о mládež“ (служба заботы о молодёжи. – В.К.) или суд не разрешат ей выходить замуж. Надо на это обратить серьезное внимание, так как кто-кто, а У.В. законы знает. Очень доволен, что план действовал через отца Исаакия, справился хорошо. Только что Оля получила-таки место, и рабочая книжка будет в понедельник у нее на руках. Таким образом, план М.С. «сослать» ее на работы неосуществим. У.В. считает, что я всё, мол, знал и содействовал.

Содействовал тому, чтобы Оля не голодала – это верно и как-то мне не может воспретить ей помочь. Остальное – вздор. Не ребёнка же делать их подговаривал. Оля, кстати, сказала, что они совсем не собирались его иметь... «избегали опасных дней...». Перемудрили дети – положились на закон Ogino-Kraus и еще кого-то (не могу припомнить), забыв, что он только приблизителен. Сказала бы вовремя, я бы предостерег, но не мог я мешаться в их интимные отношения. Этого только не хватало.

Славе, вероятно, придется отказаться от университета, и это очень угнетает Олю. Родители говорят, что больше 500 давать не могут – по уши в долгах. Да, в книгах это хорошо, а на практике скверно. Начнет жизнь заедать, и еще как. Не погиб бы ее талант, в который я крепко верю. Неожиданно героической девочкой оказалась Верочка – заявила, что если Славу и Олю не будут поддерживать, она бросит школу, будет служить и всё отдаст им. Оля заявила, что, понятно, они со Славой никогда этого не примут, но, видимо, тронута.

28 апреля. Проклятый, злосчастный вечер... Кончилась дружба с Олечкой, доченькой моей, Зайчиком пушистым, принцессой Гамахеей... Больше никогда не назвать ее Зайчиком, поцеловать в носик. Кончено, кончено... Несчастный спор у Мельницкого о Востоке. Я защищаю свою всегдашнюю идею, может быть слишком резко. Едва не ругались с Е.К. Оля поцеловала его, обвиняла, что я, мол, прежде всего эгоист. Я сдержанно возразил: все-таки я два раза пошел добровольцем, два или три раза заразился тифом, ухаживал за больными.

– Делали это потому, что это доставляло вам удовольствие. Может быть, ее, ко всему прочему, обидела моя неловкая фраза:

– Мы с Е.К. принадлежим к тому поколению, у которого история сломала личную жизнь. Вот Оле 19 лет, а я уверен, что у нее было больше жизни, чем у меня в 47.

Это правда, правда... Мне нечем вспомнить жизнь. Ей 8 раз делали предложения, я ни разу. Пусть тоскливо умру. Сказала мне, что видит меня на 20 процентов чище, чем Е.К., а я влияния на нее, мол, не имею. Думает, как Е.К. сказал, что не пытаюсь оказать влияние. Не надо было спорить о политике, не надо... Когда вышла, я сказал Мельницкому, что она все-таки умница и совершенно взрослый человек. Он согласился...

Была очень суха на улице, молчала в трамвае. Звал, как всегда, прийти к «Графу» в 12 ½ в пятницу. Промолчала.

– Николай Алексеевич... я хотела вам сказать еще одну вещь... Больше не будем-те на «ты»...

– Олечка, за что вы меня обижаете... Почему?

– Я все время должна была делать усилие. Я не могу...

– Значит, чужой, совсем чужой... Оля, я всегда знал своё место.

– Да, но я иначе не могу.

Я просил оставить по-прежнему.

– Нет, я иначе не могу... Между нами нет никакого духовного родства...

Это мне тяжелее всего было услышать после того, как 17 месяцев жил больше всего ее интересами. Я едва не заплакал. Справился с собой. Отдал портфель. Ушел. Неужели все кончено и я потерял друга, из-за которого готов был рисковать всем? Она горда – это хорошо. Может быть, я был неосторожен. Никогда не думал, что она оттолкнет меня и еще оттолкнет из-за того, что я как будто

не люблю России. Мучительный вечер. Вероятно, совсем не придет в пятницу, вероятно, кончено. Нет Заиньки...

30 апреля. Прошлую ночь не спал совершенно. Личная боль была на душе. Утром написал Оле письмо, копию которого себе оставил. Думаю, что так достойно и искренне оставил все пути открытыми. Больше всего я не хочу, чтобы она отказалась обедать и ужинать со мной 3 раза в неделю, как мы до сих пор делали. Пострадал бы маленький. Надеюсь, в пятницу придет. Написал извинительное письмо Мельницкому, чем очень его удивил. Решил, что это больше на счет Оли. Если она и поссорится со мной окончательно (надеюсь, нет), то и ссора необыкновенная у этой необыкновенной девочки. Из-за России... Я должен был вовремя остановиться, а меня точно черт толкал. Она лежала на кровати с пылающим лицом и, говорит полковник, со слезами на глазах. Хваталась за голову, потом обняла и поцеловала его за то, что Мельницкий защищал ее взгляд. Была трогательна и горяча. Не надо было мне спорить. Но неохоту на «ты» я замечал давно. Думал, не может привыкнуть. А с другой стороны, она мне начисто поверила свою личную жизнь, даже такие вещи, которые она не говорила ни доктору, ни новому другу – полковнику. Пока не пришла беременность, порой радостно и задорно шутила и дурила у меня в комнате. Осенью в «Огоньке» А.Н. говорила, что я самый близкий для нее человек, чуть какое горе, ко мне. Я стучался ради нее во все двери, делал все, что было в силах. Могу сказать для самого себя – будь у меня дочь, вряд ли бы заботился больше. Оказалось, что я прежде всего эгоист – правда, в смысле понимания событий на Востоке, но все-таки... Заинька, Заинька, милая, пушистая девочка, что я мог еще делать.

Завтра, если придет, постараюсь, чтобы все было как можно глаже и естественнее, но, при ее уме и чутье, трудно это.

Надо еще записать бурный вторник 21 апреля. Слава отказался жениться и объявил, что ребенок может быть и не его. Deus ex machina (бог из машины) в виде hotelier-a.

7 мая. Мои отношения с Олей внешне почти не изменились – только «вы». По существу, от них мало что осталось. Может быть, она сгоряча сказала, что между нами «нет никакого родства, даже духовного», но мне все равно не забыть. Разбитого не починишь. Мы очень вежливы и стараемся говорить так, точно ничего не произошло. Она по-прежнему откровенна, я сдержанно шучу. Добрые знакомые. Три раза в неделю обедаем и ужинаем вместе. В воскресенье были на лекции и осмотре библиотеки, потом сидели в кафе. И все-таки нет и следа прежней огромной нежности, радости, гордости за ее талант. Стихи не поблекли, звучат легко и воздушно:

Сегодня город солнцем залит
И чайки радостно шумят,
И волны в светлом блеске стали
То пробуждаются, то спят.
Сегодня я одна гуляю
И не мечтаю ни о чем,
Но в глубине души я знаю,
Что счастье в существе моем.
Сегодня места нет печали –

Так много радости вокруг,
И волны в светлом блеске стали
Мне шепчут о тебе, мой друг.

1 мая 1942

Но не радуют больше и стихи. Нет у меня больше доченьки. Кончилось и, думаю, никогда не вернется.

Сегодня вдруг, после ледяной весны, сразу жарница. У меня тоска, тоска. 11 рождение Оли. Не знаю, как быть – писать вежливое письмо как-то грустно. Завтра приглашу ее на прогулку в субботу или воскресенье – вероятно, откажется.

12 мая. Третьего дня, в воскресенье, были с Олей в Шарке (парк в Праге). Оттуда прошли в «Hvězdu». Еще недавно такая прогулка была бы для меня большой радостью. Цветущие деревья, славная девочка-мама, солнца нет, но тепло и тихо. Я старался быть как можно внимательнее. Кажется, она это оценила. Сама предложила пойти в кино. Смотрели глупую комедию «Die Laune der Liebe» (Капризы любви). Словом, все как будто благополучно, но больше души нет... Оля, при своей тонкости, не может это не чувствовать. Я исполняю то, что обещал, – обедаем и ужинаем три раза в неделю. Все время стараюсь, чтобы наш полуразрыв чувствовался меньше, но он чувствуется. В четверг пойдем на концерт, в воскресенье пойдем, может быть, в Карлштейн (замок под Прагой), во вторник не прочь, чтобы с ней пошел на концерт гимназического хора. И все-таки прежнего в помине нет. Разбитого не починишь.

18 мая. Жаркий, бодрый и хороший день. Отношения с Олей выпрямляются. Начинаю привыкать к «вы», хотя и грустно. Только она, по всему судя, многое наговорила сгоряча – из-за обиды по поводу России. На днях сама предложила повесить у меня ее большой, прекрасный портрет работы Губчевского, который мне очень нравился. Вчера должны были отправиться в Puhonice (парк под Прагой), но Оля не то проспала, не то заболела. Сначала озлился, а потом был рад – отлично прошелся (Černošice – Karlštejn – Srbsko), но промок жестоко. Для нее это было бы вредно. Обрадовалась, что принес незабудки. Прекрасно в весеннем радостном лесу. Сейчас больше всего красок и цветов. Весна сильно запаздывает, но, в конце концов, такая же, как и предыдущие. Люди могут делать все, что им угодно, – деревья зацветут вовремя. В этом году цветут буйно и радостно. Там, где хата Комарка, целые поляны незабудок, и повсюду светится в траве редкий, охраняемый *Adonis vernalis*. Похудев на пуд с лишним, я много легче хожу по горам, чем два года назад.

Снова об Оле. Общественная жизнь теперь для меня закрыта – остается своя собственная, а в ней Оля, несмотря на все, сейчас главное содержание. Я все больше и больше вижу, что она человек совершенно необыкновенный. И все больше и больше людей признает ее талант. Сборник, который я подобрал и «выпустил» в 8 экземплярах, поступил в библиотеку «Очага» в обычный оборот.

Сегодня Оля сияет. Кафка сдержал обещание и устроил ее в санаторий своего отца на какую-то довольно фантастическую должность – не то за детьми смотреть, не то на машинке писать. Главное, что хоть 7000 крон будет получать и станет совершенно неуязвима для М.С. Очень изменилась за последние месяцы. Мне попала на глаза ее запись: «Слава – большой дурак, я – будущая счастливая мать». Лицо немного отёчное, но в остальном здоровее, чем раньше. Полнеет, расцветает. Только бы ребенок жил. Все мысли у нее о маленьком. Несравненно

спокойнее и рассудительнее, чем в прошлом году, когда аппендицит + оварит + обстановка довели ее до совершенно патологического состояния. Даже бегство (иначе не назвать) Славы она переносит сравнительно спокойно.

25 мая. Все о ней же. 19 были на концерте гимназического хора в зале Городской библиотеки. Концерт похож на прошлогодний, который описан у меня. Чехов почти совершенно не было, немцев тоже. Оля в черном платье, очень к ней идущем, с мелким жемчугом, купленном по моему совету вместо крупного бело-розового. Возбуждена, глаза блестят, улыбается. Есть в этом нечто неврастеническое – она явно решила показать, что заметной беременности уже не стесняется. Мы ходили по коридорам, и «первые ряды» здороваются. Заметны любопытные, сочувствующие взгляды. Косых не видел. Бывший ее директор смущенно раскланялся. Девочки любопытствуют – почти что *succès de scandale* (скандальный успех), хотя внешне все благоприятно и «пузик», как она его называет, еще невелик. Кафка считает все-таки, что у Оли есть признаки истерии. Некоторые вещи мне весьма не нравятся самому. Говорит, например, что иногда разговаривает со своим ребенком. Рассказывала ему, как мы поедем «на вилет» (на природу)... Это что-то нехорошее, хотя, может быть, при большой любви, при очень сильном материнском чувстве, как у нее, и в порядке вещей. Вчера (24) опять должны были ехать в Pruhonicе (парк под Прагой), и опять не поехали. Оля явилась на вокзал и заявила откровенно, что речь идет о *diplomatiscne Reise* (дипломатической поездке) с дамой, на которую у нее виды в смысле совместной жизни. Та ее пригласила в последний момент – пришла в десять вечера. Я был откровенно говоря, порядком раздосадован, Оля смущена, но кончилось тем, что я опять остался доволен. После полудня погода испортилась, было холодно, ветрено, шел дождь. За Олю я бы сильно опасался при таких условиях. Она уехала в Железный Брод. Звала меня ехать вместе, но мне нужно было бы спрашивать разрешения «дяденек» (т.е. полиции), да и дорого это. Сегодня в одиночестве жарился на солнышке в Бранике. Лицо горит. Состояние, слегка «обалделое».

30 мая. Эх, был бы я молод... Несмотря на полуссору, несмотря на «вы», к которому не могу привыкнуть, и мелкие размолвки, она все больше и больше привыкает ко мне. Принесла – не то в подарок, не то на время только прекрасную большую фотографию работы Губчевского. Теперь все время над моим столом веселое, плутоватое личико. Вчера лежали рядом в Семинарском саду. Погода была прекрасная. Утром пасмурно, затем горячее солнце, в саду Кинских, заросшем разноцветной сиренью, с вязов серенький дождь... Пожалела, что не была тут, когда цвели деревья. Время осадно-рабочее – никого почти не было в саду.

2 июня. Третьего дня (в воскресенье) ездили в Pruhonicе. На этот раз прекрасно. Довез до Uhřiněves во 2 классе – *les femmes enceintes ont leurs droits* (у беременных женщин свои права). Оттуда промаршировали 6 километров, отлично пообедали «У Венежа». Самое лучшее время сейчас. Рододендроны и сиреневое буйство. Кажется, таких рододендронов нет нигде в Чехии. Можно вообразить себя в Гималаях. Невероятной, неожиданной нежности оттенка. Трудно передать их словами. Я искренне сказал Оле:

– По-моему, смотря на такие цветы, неверующий может начать верить...

На цветущих, пламенно-нежных лужайках у нее такое же почти лицо, как было при «Волшебной флейте». Мне хочется в природе петь или, по крайней мере, напевать, а она просит этого не делать.

– Детка, разве у меня такой скверный голос?

– Нет, но кругом такая хорошая тишина.

В парке были 6 часов. Принялись было за солнечные ванны, но сегодня не вышло. Солнце спряталось, потом стал накрапывать дождь. Во время него сидели под густейшим красным буком. По парку прошли километров 12, а всего добрых 25. Идет легко, уверенно и не устает. Что значит тренировка с детства в лагерях. Я тоже такое количество километров делаю шутя – мог бы танцевать потом 16-17-летним гимназистом, когда проделал в первый раз верст 20 с лишним из Исаковец в Каменцы, еле ходил потом. Отдыхали несколько раз, так доктор велел. В следующее воскресенье пойдем в Řevnice. Оттуда на Skalku и во Všenouy пешком – проект профессора Lostmanna. Там очень пологий подъем, а затем дорога ровная. Затем предположена поездка на 2 дня в Mokropsy, но дело осложняется тем, что нам нужно 2 комнаты, а их найти будет нелегко. На фотографии написала мне: «На добрую память дорогому Николаю Алексеевичу от бодро шагающей вперед «поэтессы» Ольги Крейчевой. Прага 2 июня 1942». Кажется, мы начинаем по-настоящему мириться. Маленькая мама сегодня покупала крохотные одеяния для маленького. Трогательно.

6 июня. Скончался генерал Кирей. Полная для всех неожиданность и очень грустная. Болел неделю, казалось неопасно, а вчера умер, и только за два часа до смерти жена и дочь почувствовали, что дело плохо... У него после экскурсии в любимый его Dobříš сделалось воспаление легких и, кажется, гнойный плеврит. Жаль Василия Фаддеича... Хороший, компанейский человек, один из лучших артиллеристов России. Умен, остроумен, с хохлацкой хитрецей, осторожен свыше всякой меры, в политике трогательно наивен – остался кадетом своего корпуса. Очень хорошо относился ко мне, хотя в гости не звал. Я, правда, почти не был знаком с его семьей. Жаль, жаль его... Последние месяцы сильно хандрил и часто говорил о смерти. Несмотря на хорошую пенсию, сильно исхудал и, видимо, ослабел. Простуда добила.

Оля принесла мне чудесный кактус с распускающимся бутонем. Трогательная девочка. На днях была почти груба, беспричинно злилась и, должно быть, почувствовала себя виноватой. Я искренне тронут, только зачем она тратила. Завтра (7) едем в Мокропсы и дальше в лес, на Скалку и оттуда во Вшеноры. Сегодня была чудная погода, авось завтра не подведет.

13 июня. Еще о прошлом воскресенье. Оно было радостно и чудесно. Приехали в Řevnice около 10 ½, выпили там кофею, потом пошли на Скалку. Подъем лёгкий – в былое время, правда, на нем вымотались бы не только беременные женщины, но и молодые мужчины. Мы, русские, за малым исключением, не умеем ходить по горам. Оля со своим брюшком шагала не широко, но быстро и легко. Я без труда шел с ней вровень, но только потому, что за время войны потерял 18 кило (в одно время даже 20).

Отдыхали, лежали на солнце. Там близко шоссе, и Оля ограничилась тем, что сняла платье. Потом, наоборот, надела его на голое тело... Платье, ловко сшитое, с маскирующими складками. Оно из Венгрии – там, говорят, летом почти все молодые женщины не носят белья.

Обедали на Скалке (название местности) – довольно скудно, не то, что было там перед войной! Полюбовались на Mnišek и Vrdu. Пошли на Všenouy. Когда надоело шагать, выбрали полянку с молодыми дубками и ёлками, разостлали

купальный халат, вынули провизию. Жарища была настоящая – первое такое воскресенье в этом году...

...пошли в Черношицы, на скалы. Потом Оля нарвала себе ромашек. Я учил её названиям деревьев – и по-русски, и по-французски. Это мы проделываем частенько. В хлебах громко чирикает сверчок. Спросил: – Кто это? – Перепелка... Естественная наука в гимназии, видно, не в авантаже обреталась.

Пришли лесом во Вшеноры. В «dřevačkach» (деревянных башмаках) ноги у неё порядком устали. Еще раз выпили кофею в ресторане у вокзала. Возвращались во 2 классе. Все хорошо было до Smichova (район Праги). На трамвайных остановках стояли густые толпы. Пришлось идти пешком в «Огонёк». Она уже опять шагала бодро. Около 20 километров в жару, с животиком, и как ни в чем не бывало. В ресторане пришлось переждать грозу. На сей раз Оля была терпелива, не ныла и не злилась. Совсем привыкла ко мне. Когда ждали трамвая, укрылась в подворотне от нового дождя...

27 июня. У Оли новое осложнение. Собиралась поселиться с некой девицей из канцелярии, у которой была собственная дочка. Придуманно не плохо, но девица подделала чек и попала в тюрьму. Хорошо, что теперь, а не после. Везёт же маленькой на всякое жульё. Ей очень нравилось «Солнце мёртвых» Шмелёва. За эту зиму я носил ей книги из «Очага» (русская библиотека в Праге). Прошла историческую серию Алданова, перед ней «Mister Fluh» Гоффмана в переводе. Этот томик нам обоим запомнился. Познакомилась с Сириным («Король, Дама, Валет», «Защита Лужина», «Подвиг»). Прочла «Жизнь Арсеньева» и «Лику». Считает Бунина блестящим, но суховатым. «Лику» понравилась больше «Жизни...». Из тетралогии Алданова больше всего понравилась «Святая Елена». Теперь на очереди «Митина любовь», но не можем её раздобыть. Сейчас у Оли «Дуэль и смерть» Щеголева. С большим интересом прочла первый том пушкинских писем (издание Академии наук). Больше всего понравились письма к Вяземскому... Читаем умело – не торопясь, внимательно и вдумчиво.

Завтра должны ехать в Řevnice, но холодно, очень холодно. Доктор находит состояние Оли прекрасным. Что касается психики, то Кафка все же находит кое-какие признаки шизофрении. Он сказал мне, что сильное материнское чувство – отличный признак и, быть может, ребенок вообще заставит её перемениться. Мне лично кажется, что по сравнению с прошлым годом Оля – почти здоровый человек. С ней гораздо легче теперь, и самой ей с собой легче.

Только что пал Севастополь после 25-дневного штурма. Радио сообщило об этом с большой помпой. Я слушал его в гостиной у Черниковых (бедная – отец в тюрьме за уголовные деяния). Ненавижу большевиков, но должен сказать, что красные защищались куда лучше англичан. Те умудряются сдавать Египет. Александрия должна, по-моему, пасть на днях.

Сегодня, как кажется, началось общее наступление в России (южный и средний фронты). Завтра, должно быть, будут кое-какие подробности.

9 июля. Предельной близости между нами нет и не будет – ни теперь, ни потом. Быть может, Слава, в конце концов, женится. Отношения молодых людей мне неизвестны – есть основания думать, что они встречаются. Как будто Слава собирается поехать на фронт. Это был бы единственный достойный выход, раз не хочет жениться. Надо оторваться от маминой юбки и стать взрослым. Словом, я не желаю краснеть перед ним, не желаю, чтобы Оля стала хоть ненадолго моей.

И потом, как раз предельная близость, которой и она совсем не хочет, испортила бы наши немножко странные, но славные отношения. Просто привыкаем друг к другу все больше и больше, но черта не будет перейдена и тогда, когда беременность кончится. У меня нет угрызений совести, когда целую её... Не откажись Слава жениться, не делал бы и этого теперь, как не делал раньше. Однако хочу – пусть выйдет замуж по-хорошему. Тогда с моей стороны конец совершенный и совет быть верной, хорошей женой. В конце же концов все это хоть и верно, но не об этом думаю. В знойный, нервный решительный июль anno Domini 1942 .. меня подхватила странная волна и несет, и несет...

11 июля. Мне сегодня было остро жаль Олечку. Встретился с ней в Pogodnici (родильный дом). Peter опять сказал, что все обстоит совершенно благополучно. Пришли через месяц. У Оли был очень усталый вид после клопиной ночи. Хозяйки уехали за город, и я позвал ее отдохнуть к себе. Сняла платье, улеглась в мою кровать. Прикрыл ее непромокаемым пальто. Закуталась до подбородка, уютно подложила правую руку. Показался занесенный ею клоп. Убили, осмотрели нарядное голубое бельё – нет ли еще. Опять закуталась, задремала, заснула. Все еще худенькое личико, длинная рука. Бедная, в конце концов, бездомная девочка. В моей кровати ничего от неё не убудет. Но, должно быть, не раз приходилось попадать в чужие кровати по нужде... Потом, проспав часок, повеселела. Потягиваясь, вылезла и принялась мыть руки. Вчера была в Карлштейне (замок под Прагой), судя по всему, со Славой, и еще слишком свежо воспоминание... Я, понятно, не настаивал. Пообедали, посмотрели авантюрный «Каучук» с кучами крокодилов, от которых она вздрагивала. Не знаю, удастся ли завтрашняя прогулка. Будет дождь.

12 июля. Меня трогает её доверие. Убедилась в том, что я не прохвост и не болтун. Доверяет трогательно. Сегодня никуда не поехали. Пасмурно, ледяной ветер. Пообедали в «Огоньке», посмотрели веселую немецкую комедию «Heute abend bei mir» («Сегодня вечером у меня») и пошли ко мне. У Оли сегодня высыпала теперь очень обычная желудочная сыпь (должно быть от плохих жиров). Она сильно чешется, и девочка порядком страдала. Посоветовал лечь. Покрыл ее подбитым простыней одеялом. Согрелась, повеселела. Читала «Чайковского» Берберовой, иногда мне улыбалась... Я очень хочу, чтобы вышла замуж – за Славу, или не за Славу – все равно. Вернее, чтобы не за Славу. Словом, «happy end», а «дядя Коля», так она, кажется, зовет меня за глаза, целует лапку и уходит... Но уйти будет нелегко. Иногда молчаливая девочка становится скучноватой, а не вижу двое суток – скучно и пусто.

13 июля – по-старому 30 июня.

День моего рождения. 48 лет, черт его побери. Грустно, но в прошлом году было еще грустнее. Когда-нибудь вспомню...

На Олю я люблюсь, но хотелось бы сейчас свою. Пока что трачу на неё все, что могу (и что не могу). Хочу, чтобы её ребёнок не был заморышем. Очень женственная у нее линия, когда родит, станет куда лучше прежнего, но и сейчас все замечают – хорошеет с каждым днем.

Думаю о том, что смогу для неё сделать после родов. Постараюсь давать крон триста – больше никак не могу, но ведь не я один... Общими усилиями надо сделать так, чтобы ей, ради маленького, не пришлось торговать прекрасным своим телом. Поставлю одно условие – писать стихи, не замолкать.

26 июля. Боюсь, что бросит заниматься – так хорошо шло. 24 была именинницей. Что мог, накупил – совсем мало мог из-за карточек. Только пирожные с малиной совсем еще хорошие. Две отменных конфеты буквальным образом спёр у одного ученика. A la guegге... Славно провели время. Говорили по душам. ... Читал ей свою характеристику Н.Н.Муравьева. Недавно читал большую характеристику Малевича. Понравилось очень. Даже записала себе кое-что о Муравьеве.

Говорили начистоту:

– Слушайте, такого таланта, как у вас, у меня, конечно, нет, но ведь кое-что все-таки есть...

Она сжала мою руку: «У старого капитана вопиющая скромность...» Странную она мне рассказала историю. На днях пришла к ним цыганка. Объявила ей, что больше всего Оле вредит некая женщина М.С., а затем прибавила Ш. Как натуралист, я предположил, не подослал ли кто-нибудь эту цыганку, научив предварительно, что говорить, но Оля считает это невозможным.

Цыганка, кроме того, сказала, что из теперешней любви ничего не выйдет, предостерегала от брака. Предсказала, что Оля будет, мол, счастлива с неким И. Я было огорчился: – Ну, только не этот...

– Кто думаете?

– Ион... (есть такой жулик, её бывший возлюбленный).

– Нет, не он, Inge.

Inge – это очень славный мальчик, полурусский, полунемец, летчик, когда-то делавший ей предложение (Оле едва-едва 19 лет, многовато их...). Мне этот юноша, судя по фотографиям и письмам, очень, очень нравится. Подталкивать не буду, но замуж ей выйти нужно как можно скорее. Слава, явно, жениться не хочет (хотя и продолжают встречаться – Оля должна бы послать его к чертовой бабушке, но любовь зла...). Если Inge благополучно кончит войну, почему же и нет? Впечатление у меня, повторяю, самое хорошее, а Оля как будто начинает понимать, что из брака со Славой ничего не выйдет.

Никогда еще в моем дневнике не было так мало политики, войны, общественной жизни. Волею обстоятельств я только об Оле и могу писать. В прошлое воскресенье ездили опять в Řičany (место под Прагой). Установили, что плащ безнадежно потерян (это обходится мне в 300 крон). Было свежо. Не раздевались, но выпалились в лесу. Началась прогулка хорошо. Когда Оля рвет ягоды, становится девчонкой-пансионеркой, жизнерадостно посвистывает и с серьезным видом уплетает землянику и чернику.

Бывают и плохие дни. 23 пришла в «Огонёк» раздраженной, злой, с завалившимися глазами. Была резка и грубовата. Всю ночь не спала.

«Ужасная была ночь...» (я не совсем понимаю, в чем дело, – похоже на то, что плохо переносит воздержание). В три часа, на рассвете, написала одну из лучших своих вещей:

Ночью

Пряно пахнут ночью липы,
Снится им Восток,
Я б хотела счастья выпить
Хоть один глоток.

Звёзды жмурятся от света
 Фонаря-луны,
 Тщетно твоего привета
 Жду со дней весны.
 На траве, камнях и листьях
 Выступает пот.
 Мукою себя очистя,
 Встречу дня приход.

О.К. Прага, 23.VII.42.

Глоток счастья: немного затрепан, но первые две строки второго куплета, и весь третий, совершенно удивительны. Сейчас она пишет много, на разные лады и неровно. Есть и стихотворения-упражнения разного стиля (даже под Маяковского), но есть и незабвенно-красивые вещи, которые, думаю, войдут и во взрослые сборники.

Я не собираюсь заниматься половым перевоспитанием Оли, ибо это дело дохлое, да и я сам, при всей своей сдержанности, не мертвый... Но для развития её ума и вкуса делаю всё, что в моих силах. Она очень начитана, но бывают lapsus-ы. Думала, что «Новую Элоизу» написал... Кантемир. С чем она могла спутать? Но такие lapsus-ы бывают, надо сказать, очень редко.

На сегодня хватит о моей сумасбродной девочке-маме. Запишу только, что больше всего ей противно (её собственное перечисление):

Мухи, грязные ногти, закрытое окно летней ночью...

28 июля. Сегодня Оля будет у меня последний раз... Хозяйка вчера пригласила меня и объявила, что постоянное появление беременной женщины у меня компрометирует, мол, её доброе имя. У неё взрослая дочь и всё прочее... Мне стыдно признаваться самому себе – я едва не заплакал и сказал бессильные слова:

– *Vyla u mne jedina radost a ted' vy ji berete* (Была у меня единственная радость, а вы отнимаете её у меня). Отвратительно чувство бессилия. Я сейчас лёг на кровать, и слёзы так и потекли. Я ничего не могу сделать. Уходить некуда – значит, приходится подчиниться. Должно быть, я стану вполне независимым, когда все волосы побелеют или вообще никогда. Все мои связи ни к чему. Об Оле докладывали даже старику президенту (протектората) Nache (Prof. Leemann по своей инициативе), но все это слухи.

Заинька, дорогой мой, когда же все это кончится... Не хотят понять, что чепуховая мысль женить 48-летнего на 19-летней. Но мне тяжело, как давно не было так тяжело.

Мучительно было. Оля пришла, ничего не подозревая, оживлённая, работающая... Как всегда аккуратно и уютно нарезала хлеб и все прочее. Я старался, чтобы все было как всегда, но чем ближе подходило 8 ½, тем становилось тоскливее. В конце концов, взял её за руку и сказал: «Ну, а неприятности я приберегу под конец...» Рассказал, в чем дело, и разрыдался. Давным-давно со мной этого не было. Оля обняла меня, начала гладить по затылку, уговаривала успокоиться. Наконец прошло... Сговорились, что будем заниматься в «Огоньке» и у «Графа». На прощание передал ей белый и розовый гладиолусы. Поехал проводить. Была очень внимательная и ласковая, уговаривала об этом не думать. Меня больше всего гнетет бессилие... С хозяйками приходится быть вежливым, но наладившиеся

было личные отношения, конечно, обрываются. Да процветает нравственность, а мы уже как-нибудь в сторонку. За два дня Оля написала четыре стихотворения – одно другого лучше.

29 июля. Вчерашний взрыв прошел. Мне даже неловко за него, но, что же делать – нахлынуло неожиданно. С хозяйками стараюсь не встречаться и вовсе не разговаривать. Вижу, что почти в центре Праги, в двух шагах от музея, процветает «Kosovkov» (захолустье). Комната, такая славная и живая раньше, сразу опротивела и помертвела. Будь другое время, сразу бы переменял, несмотря на все мое отвращение к переменам.

Читал сегодня четыре новых стихотворения Оли Г.Л.Подгорному. Очень хвалит. Видит в ней большой вкус, музыкальность, гибкость стиха. Я сказал, что в Оле чувствуется ученица Гумилева.

– Да, конечно, проще и оттого симпатичнее.

Считает, однако, что больше всего в ней все-таки от Пушкина, но влияние хорошо переварила. Есть вещи несколько поверхностные – Г.Л. находит, что в них Оля делает, что хочет с образами и звуками, но нет ограниченности. В других зато и глубина мысли чувствуется. Вообще же повторяет, что она быстро идет вперед.

30 июля. Оля мне почти призналась (собственно призналась), что продолжает встречаться со Славой. Это знаю уже от неё давно, но сегодня из «нейтрального» источника мне сообщили, что дети врасос целовались на улице в семь часов утра. Таким образом, психологические соображения Кафки о патологическом её теле (женщина, которой, мол, только нужно забеременеть от данного лица) вполне отпадают. Черт ногу сломит... Как она все-таки должна его любить, чтобы мириться с этим унижительным положением. Но самое главное сейчас – заставить Славу признать отцовство и в то же время спасти его от исключения из университета – это раз, как-то обеспечить Олю на первое время – это два. Она, кажется, плохо себе представляет положение вещей. Теперь надо сговориться опять с Кафкой.

14 августа. Потеря очков выбила меня из колеи ровно на две недели. Было жестоко скучно без чтения, без библиотеки, без работы. Два стёклышка отрезали от мира. Не без труда нашел прекрасные цейсовские стекла, но ждать пришлось бесконечно.

С Олей без перемен. Грызут заботы. Квартиры не может найти, и не мудрено – каждому не хочется пускать беременную, потому что выгнать её потом нельзя... Вся надежда на Кафку, но не знаю, что он сможет сделать.

2 недели в Horní Klánovice. Вероятно, последняя поездка. На обратном пути в поезде была такая теснота и давка, что порядком боялся за Олин животик. Она сказала, что больше рисковать не хочет – будет ждать в трамвае на конечную остановку. Время провели неплохо, но без того увлечения природой и свободой, которая была в мае – июне. Побывали в Újezdě nad Labem. Там Оля жила месяц в начале войны, пока гимназия не началась. Много воспоминаний. Некий чиновник чех ухаживал серьёзно и хорошо за девочкой. Сделал предложение. Она в это время, по собственному выражению, «крутила» со своим сверстником В. Оле было 16, а тому 15 ½. Грехопадение детей произошло в лагере близ Zbiroha. Говорит, что кроме боли и отвращения в первый раз не испытала ничего. С В. никогда больше не повторила. Как я и думал, «Шарманщик» написан после этого случая.

Лес в Klánovicích редкий. Мы выкупались в пруду. Я вел Олю за руку, чтобы не поскользнулась. Потом без труда нашли место для загорания. Небольшая заросль, близко дорожка. Она подставляла горячему солнцу прекрасное свое тело, но быстро устала. Пошли в Úvaly. Вечером было у нее свидание, торопилась, волновалась, была довольно-таки резка, но доехали мы всё-таки благополучно и не опоздали. 13-го собрались ехать в Kunratický les, сговорились в четверг, но Оля не пришла. Призналась откровенно, что уехали со Славой в Zbiroh – повидать родные места. Побывала и на горке в лесу, где за две недели до войны я читал «витязям» доклад о Пушкине. Что же было с ней делать... Я, конечно, обиды не развел, но попросил на будущее время вести дело начистоту. Обещала.

Привык к маленькой маме. Два дня не вижу, и скучно, а после родов придется встречаться, как и всякий раз...

Перечитал сейчас эту тетрадку. Вижу, что эпитет «прелестный» неизменно повторяю, как только речь об Олином теле. Но оно действительно легко и радостно, несмотря на быстро растущий животик...

18 августа. Голова идёт кругом. Маленькая уже в больнице. Сейчас 23 часа – может быть, у неё родится «сын с ясными глазами». Может быть, где-то в мертвецкой лежит синий крохотный трупик – конец её восторгов и надежд... Страшно подумать, что сама маленькая мама могла погибнуть. Надеюсь, что нет – за год в rogodnici (родильный дом) было всего 7 смертельных случаев. Но всё-таки страшно.

Сегодня она пришла в «Огонёк» в 12 ½, сама не своя. Глаза какие-то потерянные, замученные. Спросил, что такое. Внезапно появились боли в животе. Бывало и раньше, но никогда так сильно. Ела, но временами кривилась от боли и откидывалась на спинку стула. Говорила об «Очерках Италии» (кажется, Зайцева). Понравилась Сиенна и некоторые другие страницы, но, в общем, находит, что там не зайцевский стиль. Я внимательно на неё смотрел, и что-то мне подсказало – это не те боли, что раньше. Начинаются преждевременные роды. Предложил сейчас же пойти в rogodnicu на осмотр. Согласилась. Шли почти молча – крепилась, но морщилась все время.

В коридоре посадили на скамейку. Нашел сначала знакомого доктора, сказал, в чем дело. Вызвали ассистента. Олечка сидела с замученными глазами и морщилась. Её вызвали на осмотр. Я читал «Современные записки». Наконец ассистент вышел.

Да, по-видимому, роды. Она не замужем. Оставим здесь.

Разрешили мне, в виде исключения, пройти в комнату, куда положили Олю. Одна на кровати, в платке, но уже, кажется, голая. Боли... Кругом чисто, но неряшливо.

Я взял её за руку.

– Ну, что же... Кажется, начинается. Вы останетесь здесь.

Она смотрела непонимающими глазами.

– Да нет, я оденусь... я пойду домой...

– Олечка, доктора еще не уверены, может быть, ничего не будет, но вы должны здесь остаться. Дайте ключи от квартиры, скажите, что принести.

Я вынул записную книжку, но Оля не могла сосредоточиться. Такие же пустые глаза, как в прошлом году, когда не слышала и не слушала моей физики. Еле выдала из себя – мыло, зубную щетку, пасту. Спросите, в какой клинике Слава.

Пришел ассистент – высокий, спортивный детина в шапочке.

Я начал прощаться.

– Куда же вы... не уходите.

– Нельзя, дружочек, требуют.

Доктор спросил, какое я имею отношение к пациентке (у них такое правило), – *jsem známý... A teď já půjdu sdělit mladému muži, který snad o to musí mít zájem.* (Я просто знакомый... А сейчас я пойду сообщить молодому человеку, который должен об этом знать. – *В.К.*)

Я поцеловал дорогую худенькую руку. Сжал её на прощание.

– Ну, родная моя, будьте молодцом.

Слабо улыбнулась:

– Спасибо, Николай Алексеевич.

Взглянул ещё раз. Вышел. Жутковато, мутновато. Пошел к Славе. Он очень изменился за эти месяцы. Суховатый, измученный. Вежлив, но очень даже суховат. Поблагодарил за сообщение. Я сказал ему откровенно, что ребенок вряд ли выживет.

Да, это было бы жаль... Говорит как о чужом. Может быть, в глубине души доволен, что маленького не будет. Эгоист он, этот юноша, – вот мое откровенное впечатление. Поговорили. Начал мне доказывать, что ребенок и должен был родиться раньше, а не в октябре. Я заметил, что и по моим расчетам выходило пораньше, но не мог же специалист ошибиться на 1 ½ месяца. В этом рассуждении звучит сухая ревность. Придёт он к ней или не придёт? По аналогии с прошлым должен спрятаться в кусты. Мало надежды на то, чтобы он добром, по-хорошему признал отцовство.

На прощание я сказал:

– В ваши отношения я не вмешивался совершенно, но сейчас считал, что должен вас предупредить. Теперь поступайте, как знаете.

Он еще раз поблагодарил, и мы расстались. Гораздо теплее и человечнее отнесся Кафка. Сказал только, что мертворожденный ребёнок был бы лучшим исходом сейчас – иначе будет заморыш. Высказал предположение, не накормила ли Мария Степановна чем-нибудь «выкидышным». Я не верю – не решилась бы, да еще при свидетельнице, хозяйке Оли. Дело в том, что в субботу М.С. пригласила их обоих к себе и в течение трёх часов без умолку говорила о прошлом. Заявила, что будь на месте Оли другая, родители заставили бы Славу жениться, и много других приятных вещей. Может быть, и его ребенок, а может быть, и не его. Самое злое (и основательное) – если бы Слава любил Олю, бросил бы университет и все равно женился. Кафка считает, что, может быть, этот разговор разволновал Олю, хотя она и осталась внешне спокойной.

Потом поехал к квартирной хозяйке Оли. Как всегда, нет дома. Швейцарихи тоже нет. У меня были ключи, но не мог же я идти один в чужую квартиру. Оставил записку, что приду в 9 часов завтра.

Вечер неожиданно провел в церкви – на меня удивленно поглядывали постоянные прихожане. Нужно было предупредить отца Исаакия, который так любит Олю. Шла долгая торжественная служба. Я, Бог знает когда, слышал в последний раз вечерню и заутреню. Вероятно, в Михайловском училище 27 лет тому назад. Вспомнилось, как в гимназические годы скучал в церкви, а мама повторяла:

– Как ты не чувствуешь красоты и поэзии богослужения.

Вчера был растроган, расстроен. Почувствовал. Не так даже в залитой огнями церкви во время торжественной службы с хором, блеском золота, оглушительным диаконем. Потом, когда почти все разошлись, была панихида по отцу Н.Е.Андреева. Почти пустой храм, кучка людей у подножья распятия, поют 3-4. Над нами тронутые светом великолепные католические своды, под ними скромная православная панихида. Впервые видел Николаевскую церковь в полутьме и никогда еще не смотрел на неё такими глазами. Всё Оленька... Зашел к о. Исаакию в исповедальню. Рассказал, в чем дело. Он принял очень близко к сердцу. Обещал навесить. Говорил о несправедливом и злобном отношении к Оле, о своих попытках её защитить, о её таланте. Благодарил меня за заботы об Оле. Я ответил тем же.

19 августа. 7½. Плохо спал, волновался, просыпался. Доволен только, что захватил самое начало родовых схваток. Что бы бедная делала, если бы они начались ночью в пустой квартире... Она к тому же совершенно не написала, что с ней делается. Не хотела верить, что останется в больнице родить. Бедный мой, хороший Зайчик...

Сегодня будет много беготни. Сейчас пойду к хозяйке за вещами, но предварительно позвоню Кафке. Будет страшно, когда зашипит трубка.

15 августа, значит, была наша последняя прогулка в Kunratice. Светлая, радостная... На берегу пруда читал ей «Фортуну» Цветаевой и мой галлиполийский рассказ «Под платаном». И «Фортуна» понравилась, и рассказ хвалила очень. Гладила по затылку (не его, а меня...). Сказала, что рассказы, повести, вообще краткие вещи любит больше романов (исключение Толстой). Больше всего любит Гоголя, а к Тургеневу относится холодно – особенно к «Дыму», «Нови» и «Накануне».

В Праге хорошо поужинали. По пути домой спросила меня, как я думаю, любит ли она Славу больше, чем он её, или наоборот. Я не мог ответить искренне. Сказал, что больше года не говорил со Славой о ней (это правда), а прежде он любил крепко и нежно. Я сочувствовал связи, раз она уже была налицо, в брак не верил и думал, что они разойдутся по инициативе Оли. Не скрыл, что мне не нравится малодушие Славы – сегодня женится, завтра нет. Она грустно молчала – самый большой вопрос.

В понедельник я переговорил с адвокатом. Добиться признания отцовства будет нетрудно, но алиментов она не получит. Родители не обязаны платить, а со студента взятки гладки.

13 ч. 30 м. Слава Богу, все благополучно. Ночью родилась дочка – *vivante et viable* (живёт и способна жить), как сказал Peter, хотя и недоношенная (2260).

Мать чувствует себя хорошо и счастлива. Я чуть ли не принимаю поздравлений. Пишу и телефоную во все концы. Хочу, чтобы завтра на приёме было как можно больше людей и цветов. Дико устал.

22 августа. Три дня ничего не записывал от беготни и тревог. Третьего дня, 20, ровно в 14 часов я вошел в палату, нагруженный охапкой розовых гладиолусов для матери, розовой гвоздикой для девочки, пакетик для мамы.

У Оли счастливо-измученный вид. Тиха и бледна. Мельком посмотрел на колыбельку с крошкой. Подошел к маме. Протянула лапку для поцелуя, показывая глазами, чтобы я не вздумал целовать, скажем, в лоб.

– Поздравляю, родная...

Мы посмотрели друг на друга и не знали, с чего же начинать. Решил, что надо же посмотреть на крошку. Крохотная, предельно беспомощная, но совсем не уродец. Положена, как и все остальные. Милая, бедная гусеничка, слабо, чуть слышно попискивающая. «Да избавит от обид и нужды суровой...». Губки – точная копия Славиных. Сказал Оле: – Я всегда вам верил, но какая-то тень сомнения оставалась – в таких делах и в родной дочери можно усомниться. А теперь пусть меня сейчас повесят, если это не Славин ребёнок... Она отчетливо улыбнулась.

Пока еще чувствуется, что маленькая ошеломлена, не оправилась от болей и не чувствуется связи между ней и крошкой.

Пришел отец Исаакий, долго и сердечно говорил с Олей один. Сначала сказал: – Ну, поздравляю тебя... как и во всем ты торопишься. Перед тем, как уходить, прочел молитву, полагающуюся в первый день. Маленькую назовут Натальей. У Оли было прекрасное лицо, когда читалась молитва. Были еще хозяйка, одна славная русская чешка, которая очень заботится об Оле, и её квартирантка. Слава не пришел – свинья форменная. Всякий раз, как Оле тяжело, он в кустах.

Сегодня получил очень сердечную открытку от Оли. Пишет, между прочим: «Я уже начинаю, как все мамы, умиляться своим произведением».

Беготни у меня масса. Коротко говоря, у Оли есть деньги (хотя, понятно, мало), но нет квартиры, и, чего доброго, придется ей отправляться в *nalezines* (приют) наравне с прислугами. Делаю всё, что возможно, чтобы этого избежать. Постоянно совещаюсь с Peter'ом Кафкой, адвокатом, отцом Исаакием. Был у Андреева, написал Родзянке, ищу ванночку, ношу Оле молоко и фрукты – даже ноги болят. Пойду завтра утром купаться, а в 14 ч. опять в *rogodnicu*.

24 августа. Физическое состояние большой девочки и маленькой девочки отличное. Все из-за квартиры. Её почти нет и не будет. Придется возвращаться в клоповник. Я и так пригрозил хозяйке, что в крайнем случае привезу обеих девочек в полицию и попрошу комиссаров заняться этим делом. Она струсила и соглашается на возвращение. Только бы Оля не делала глупостей и не отказалась. Странное положение – она «мораванка» и не может быть помещена в чешские институты, а будь эмигранткой, попала бы туда без препятствий.

Сегодня говорил с Родзянко и адьюнктом Günther'ом в полиции (*servis social* – социальная служба). Ей дали пособие в 100 крон, сохранили пособие в 150 крон (обычное) и обещали поискать квартиру, предупредив, что это очень трудно. Я гарантировал 300 крон в месяц. Носился по её делам целый день и очень устал. Вечером был у Кафки. Разговор обдумал, но говорил слишком много – от напряжения. Чувствовал, что нажимаю ненужные клавиши. Потом, кажется еще вовремя, переменял фронт. Только бы не испортил у Кафки – все тогда будет испорчено.

5 сентября. Две недели (от 18 до 31 августа) было такое напряжение, какого за границей не припомню. Точно на войне. В понедельник 31, наконец, *happy end* (ой, так ли?). Горячий солнечный день – мало сказать горячий – знойный. Такси медленно катится, чтобы не трясти крошку. Оля для сего случая надела парадные серо-шелковые чулки. Сильно похудела, но сегодня довольна. Торжественно несла Наташу в канцелярию и обратно. Белый пакетик, украшенный розовой гвоздикой, молчал.

В такси говорили весело и спокойно. Я опять припомнил ей: «Воззрите на птицы небесные...». Девочка получает чистых 630 крон в месяц и по этому случаю идет в санаторию, которая стоит 2000 крон в месяц. Смеялась.

На следующий день уже слёзы, высохшее личико, настроение подавлено. Девочка плохо сосет, худеет. Доктор мне сказал, что ничего пока страшного нет, но необходимо, чтобы у матери было молоко. Для этого Оля должна есть, а она не может приспособиться к санаторной пище. Избаловали мы девочку за последние месяцы.

Очень угнетена поведением Славы, но ведь это в порядке вещей – пора бы привыкнуть. Конечно, он не женится, и лучше, что не женится – ничего бы из всего этого не вышло.

В четверг 10, крестили. Мне страшно теперь при мысли, что жизнь Оли (а это, думаю, так) зависит от еле горящей свечечки Наташкиной жизни.

9 сентября. Все идет хорошо. Крестины пока отложены. Записать Олин № в porodnici 6089/42.

15 сентября. Сегодня крестили милую Наташеньку. Я уже порядком привязался к крошке. Держал её сегодня во время таинства, так как восприемником был сам отец Исаакий. Наташа сначала спала, а затем сосала пальчик. Не кричала вовсе. Были только отец Исаакий, Оля, Н.А.Хомякова (крестная мать) и я. Кроме того присутствовали пять или шесть сестёр, попросивших разрешение посмотреть. Глядели с почтительным любопытством. Отец Исаакий служил как всегда, истово и проникновенно. По принятому им обыкновению сопровождал таинство пояснением, частью по-чешски – для сестёр. В белой комнате с мебелью в белых чехлах было много цветов – разноцветных гвоздик и огромных ромашек. Вился кадилый дым, было торжественно, искренне и благочинно. Последний раз я был на крестинах года два тому назад у Шаховских, но тогда плохо вслушивался в трогательные слова молитв.

Отец Исаакий во всеуслышание похвалил Олю за то, что она не побоялась и не постыдилась дать миру жизнь. Высказал желание, чтобы маленькая как можно скорее смогла «назвать другое имя» и чтобы в мире воцарился мир. При таинстве поминал родителей – Владимира и Ольгу...

Оля была радостна, но странновата. Железный занавес был приспущен. Гордится дочкой, но очень расстроена тем, что касса по формальным основаниям заплатит ей не 1800, а 300. Я в ужасе – это путает все карты, и откуда же я достану эти деньги? Пока о.Исаакий дал 200, а дальше придётся поломать голову.

17 сентября. Сегодня был у Оли в Křtí. Гуляли по деревне. Пили кофе в Zámečku. Настроение у неё нехорошее. Улыбается через силу. Говорит как-то автоматически. Опять нечто патологическое. Причина, конечно, Слава. Боюсь, что дальше состояние будет ухудшаться.

28 сентября. С Олей всё по-прежнему. Живет с маленькой в санатории. Я ищу деньги для её содержания и пока нахожу. По-прежнему странновата, какая-то ненастоящая. Наташу любит трогательно. Подруги-однолетки, пришедшие навестить, философствуют:

– Вот у тебя есть теперь для кого жить, а мы, может быть, навсегда останемся холостяками... – Вздор, конечно, но у Оли, действительно есть теперь смысл в жизни, и я этому искренне рад. Лишь бы хватило денег.

Если Оля говорит правду, то Слава будто бы приезжает её навещать по вечерам. Не сочиняет ли хитрая и самолюбивая девочка? Уверяет, что они со Славой еще не «разговлялись». Я очень решительно предупредил насчет возможности забеременеть, несмотря на кормление грудью. Этого бы только не хватало...

Готовили сборник для печатания в 50 экземплярах. Будет называться «На пороге». Если цензура надлежащего учреждения разрешит, можно будет заработать около 2000 крон – надеюсь. (Заработали (благодаря президенту) всех 10.000! Точно: 11.249 К). Мне помогли при выборе стихотворений Цуриков и Я.И.Подгорный. Впечатление у всех очень хорошее. Удивительно много света в её стихах – местами напоминает Клоделя, хотя она недавно только с ним познакомилась и писала свои вещи во всяком случае не под влиянием «Annonce faite à Marie» (Весть Марии).

Последние дни только и думаю, что об Оле и Dolly Ficquelmont. Вчера и третьего дня давно умершая приятельница Пушкина даже вытеснила Олю. Мне пришлось месяца два тому назад в голову, что архив Ficquelmont вернее всего находится в замке Teplitz-Schönau у князя Альфонса Клари-и-Альдранген. Род вымер, единственная дочь графини вышла замуж за князя Эдмунда К. и А. Куда же еще могли попасть бумаги? Если они там, и если графиня, состарившись, не уничтожила Пушкинских реликвий (всё могло быть), то в замке могут оказаться еще куда больше сокровища, чем в Brodzian'ax у Welsburga. Я написал Карлу Шварценбергу, прося рекомендации к князю К. и А. Написал на авось, совершенно не зная, знакомы ли они. Оказалось, что Шварценберг – племянник К. и А. Ответил мне, что дядя не помнит, есть ли у него что-либо подобное, но готов мне помочь своими материалами. Сочинил французское послание на 6 страницах, заказал фотографии пушкинского почерка, копии записок Ficquelmont к Пушкину. Очень тщательно отредактировал своё письмо – главное, чтобы князь не заподозрил qu'an a saudné avec. Mme Morel переписывает его на машинке, в четверг отправлю и буду ждать ответа с волнением. Если архив у князя и если там есть неизвестные письма Пушкина, я недаром жил на свете...

4 октября. Давно не было такой прекрасной осени. Числа до двадцатого сентября многие мальчики ходили в начальную школу полуголые – военная, но хорошая вольность. Мало вообще солнца в Праге, и неважно кормленным телам оно очень, очень нужно. На улицах случалось видеть 17-18-летних юношей в трусиках и девочек лет 11 в одних штанишках. Вечера были горячие, южнорусские. Сейчас уже утра холодные, дети оделись (но многие босиком и, по-прежнему, женщины больше без чулок), но после полудня жара. 1 октября сам видел на солнце +37° С.

Оля пестует свою маленькую полненькую малютку, гуляет с ней по парку, пишет стихи, читает хорошие книги (в том числе «Образы Италии» Муратова). Конечно, это тепличная жизнь, но я делаю все возможное, чтобы теплица не сломалась. Иначе будет катастрофа – для ребенка и для неё. Её уже вызвали в суд – по здешним законам процесс начинается автоматически. Слава крутит, вертит и, по-моему, добром себя отцом не признает. Я затеял издание 50 экземпляров её стихов. Сборник составлен (при участии Н.А.Цурикова, Г.Я.Подгорного и моем) – теперь дело за цензурой.

Вчера, наконец, отправил своё послание князю Клари. Оно длинное – 5 страниц на машинке + письма графини и графа Фикельмон на отдельном листке + 2 фотографии почерка Пушкина (письма к Хитрово). Что мог, то сделал – дальше, может быть, не выйдет ничего, может быть, много. Шварценберг сообщил мне, что дядя «готов вам помочь своими материалами». С нетерпением и волнением буду ждать ответа. Беда только в том, что архив Фикельмон мог попасть в Италию – внучка

Dolly, дочь княгини Эдмея Клари и Алидринген, вышла замуж за графа Карла Robilant-Cereaglio, генерала и дипломата. Он умер а 1888 году в Лондоне, а сын его Mario Nicolis, генерал великой войны, может быть, еще жив (*1855). У него может, во всяком случае, оказаться портрет Dolly Ficquelmont. Все это вычитано из энциклопедий в большом зале университетской библиотеки.

Был у Оли. Повзрослела, окрепла. Настроение неплохое – видятся со Славой, но, по-моему, он её обманывает насчет признания ребенка. Впрочем, теперь дело пойдет автоматически. Оля сегодня очень осторожно и искусно намекнула мне, не соглашусь ли я стать опекуном крошки, но я промолчал. Сделаю всё, что смогу, а брать на себя серьезные обязательства, не имея ни денег, ни положения, не могу.

Гуляли к лесному театру. Потом лежали на опушке леса, и Оля читала мне новые осенние стихи. Все как будто как раньше и в это же время по-новому – она «повышена в чине» и с матерью я не могу быть так дружески бесцеремонным, как раньше. По сравнению с прошлой осенью Оля неузнаваема. Была почти что истерическая девочка, сейчас почти жизнерадостная, почти спокойная молодая женщина. «Почти» остается, но она с детства привыкла витать в воздухе и относиться к этому спокойно.

7 октября. Сегодня Г.Я.Подгорный окончил переписку Олиного сборника. Обменивались впечатлениями. Он согласен со мной – большой, настоящий талант. По словам Подгорного (я тут профан), и техника отличная. Сборник должен иметь успех. Только бы разрешили.

9 октября. Ура! Власти предержавшие разрешили сборник. Теперь всё пойдет по-хорошему. Мельницкий настаивает на том, чтобы попросить еще разрешение вложить в каждую книжку воззвание от издателей с объяснением цели сборника. Я решительно против. Не надо снижать стили и не надо дразнить гусей, и особенно гусынь. И так я уже узнал, что злостные бабы подняли целую бурю. Её, мол, такую-сякую держат в дорогой санатории. Не смела заводить ребёнка, раз нищая. Словом, человеческая дрянь зашевелилась вовсю. Некоторые же считают меня и отцом, и мерзавцем. Ну, и болото... Но после переживаний прошлого лета мне в глубокой степени все равно.

13 октября. Пока от князя К. и А. еще нет ответа. Я задал, правда, ему столько вопросов, что нужно было бы провести большое архивное исследование. Возможна и другая причина. У него сыновья на фронте. Живы ли?

Оля написала несколько прекрасных стихов. Особенно её «Бездомная» грустна до предела, но очень, очень хороша:

Вижу в зеркале лицо знакомое
И усталый, полусонный взгляд –
Оттого, что с ранних лет без дома я,
Обо мне так много говорят...

Хороша и «Колыбельная» – первый раз о малышке. И прекрасно звучит последняя строфа очередной осени:

А с наступлением заката,
Вдыхая воздух золотой,

Летит душа моя куда-то
Вслед за несбыточной мечтой...

Это Пушкин, переломленный Ходасевичем, но Х. она почти не знает. По-прежнему поражает меня свет и воздух в Олиных стихах. Они очень всем нравятся. Некоторые в восторге. Таланта не отрицает никто. Запись на сборник идёт хорошо, и многие предлагают деньги вперёд, но я, как общее правило, не беру – мало ли что может случиться.

16 октября. Подписка на Олин сборник идёт отлично. У меня лично расписано уже 26 экземпляров. Еще 4, и все расходы по изданию будут покрыты. Последние стихи, написанные в санатории, особенно «Бездомная», «Колыбельная» и «Печально сохнут георгины...» имеют большой и всеобщий успех. Я даже немного побаивался всеобщих похвал – хоть умная головка, но в 19 лет может закружиться. Есть надежда, что сборник принесёт не 3.500, а тысяч пять, так как подписчики вносят по 100 крон. Профессор Зеemann кроме того обещал распространить по дорогой цене 5 экземпляров, в том числе один президенту Гахе. Идет моя черноглазая доченька в гору и по заслугам идёт. Эмилия Кирилловна Чегринцева, правда, заявила мне, что это, мол, только обещания, а издавать сборник преждевременно, но следует помочь и потому... *jalousie du metier* (профессиональная зависть) в острой форме. О технике не могут судить, но таланта у Оли неизмеримо больше, чем у Чегринцевой, думаю. Эмилия Кирилловна в душе сама это понимает. Хорошо, что ещё не злобствует и сама подписалась на сборник.

На вершинах – гении, а Оля всё-таки где-то на одной из первых ступеней. Не понять, откуда у ней руки аристократки, тонкость вкуса, удивительная способность понимать самые сложные и трудные вещи (вот с простыми хуже...) и, самое главное, чудесная музыка стиха. Вчера узнал от очень любящей Олю Холомановой, её бывшей гимназической воспитательницы, то, что давно подозревал. Не только отец Оли – жулик (она сама мне это сказала), но и мать, по-видимому, была особой легкого поведения из простых. Сама Х. видела только фотографию Олиной матери (даже с боа и в шляпе), но не мало о ней слышала. Впрочем, до конца все-таки не уверена в том, что это правда. При поступлении в гимназию девочка говорила на смеси украинского и чешского языков. Была хорошенькой, тоненькой, ласковой, но с большим характером. Упрямылась. Массу читала и забывала при этом всё на свете. Училась неохотно, но в младших классах хорошо. С раннего детства писала стихи – они, к сожалению, не сохранились, так как остались в Олиных тетрадках.

19 октября. Вероятно, никто из эмигрантов не надеялся еще получить по почте неизвестные письма Пушкина. У меня надежда очень маленькая, но все-таки есть, пока князь Клари не ответил отрицательно. Двухнедельное молчание не совсем понятно. Я писал, получив на то прямое приглашение, и на ответ имею основание рассчитывать, если, конечно, у князя не убили где-нибудь под Сталинградом одного из сыновей. Судя по Готскому альманаху, который-то из них состоял год тому назад танковым солдатом.

25 октября. Сборник расписывается отлично. Надо было заказать не 110, а минимум 200 экземпляров, но я не рискнул. У меня расписано 51, 25 взялся продать Мельницкий, штук 5 пойдет в Пильзень, 10 авторских расписано. Остается не больше 20 экземпляров, и я думаю их придержать для тех, с которых можно

получить больше номинальных 50 крон. Пока у меня заплатили вперёд (как общее правило я об этом не прошу) за 11 сборников 950 крон. Это очень хороший результат. Подумываю о выпуске месяца через 3-4 наших переводов Клодела (Олин, мною продиктованный, пролог к «L'Annonce faite à Marie», «Музы», переведенные мною, и еще какая-нибудь из од).

Сегодня был по обычаю у Оли. Слава ведет себя по-мальчишески и по-свински. Она стала спокойнее, не плачет и грустно повторяет: «Мне все уже надоело...»

В прошлый вторник неожиданно появилась в санатории М.С. Петр предсказывал мне до рождения, что так будет. Посмотрела на девочку, заплакала: «Это Слава...» Сгоряча заявила, что если сын не женится, она его через три дня выгонит из дому. Слова, слова... Не верю – очередная истерика, не больше того. Советую Оле быть осторожной и сдержанной в высшей степени. Я не против примирения, если оно возможно, но плохо верю в искренность, а в постоянство отношения совсем не верю...

Дешевый деревенский фотограф сделал прекрасный снимок Оли с маленькой. С отличным вкусом человек. Оля на фоне парка в профиль, наклонившись к спящей крошке, – ни дать, ни взять картина Боттичелли.

Мы гуляли, пили кофе, говорили по душам. Подсмеивались над городскими планами нас поженить. Я сказал откровенно: – Ну, женитесь только так, для проформы... Что же получается – для поэтессы Ольги Крейчевой я деньги раздобыть могу, а для своей жены, ясное дело, не могу...

– Вот именно... Как бы это звучало – у моей жены нет денег – дайте ей.

Я не сказал ей, что браков «для формы» вообще не признаю. К тому же недостаточно стар, чтобы жить с прелестной такой женщиной, не живя с ней. А жить, значит быть мужем (глубокая мысль, что и говорить...), а быть мужем, значит требовать верности, а требовать верности 48-летнему седеющему господину от 19-летнего пылкого существа – значит быть или дураком, или свиньей. Ни тем, ни другим быть не собираюсь. Такие разговоры в городе и свете мне сильно, сильно надоели.

Кстати сказать, появляется на сцене летчик Inge, который мне очень нравится по фотографии. Прислал влюбленное, безнадёжное письмо. «Ты моя всегдашняя несчастная любовь...» Пишет громко, только «известие» женского рода. Оля ответила телеграммой, сообщая свой адрес. Говорит, будет разочарован. Кто его знает, кто его знает... Я бы не хотел, чтобы она стала молодой вдовой, но не все же погибают. Судя по всему, они были уже близки весной 1940 года. Inge делал предложение, потом пришла любовь к Славе.

5 ноября. Ура! Получил сегодня короткое письмо от князя Клари и чуть не заорал от радости. Вот оно:

«3 ноября 1942.

Уважаемый господин,

Благодарю Вас сердечно за Ваше письмо, а также за фотокопии писем Пушкина госпоже Хитрово и за многочисленные подробности, о которых я не знал, в частности о том, что смерть моего прапрадедушки Тизенгаузена, убитого под Аустерлицем, стала основой рассказа о Болконском в «Войне и мире».

В данное время я не могу ответить на Ваши вопросы, но как только немного освобожусь, начну поиски писем, и станет ясно, удастся ли мне что-либо найти.

Я знаю, что существует «Дневник» моей прабабушки Доротеи (Долли или Дарьи) Фикельмон, в котором много говорится о смерти Пушкина.

Граф Фикельмон не оставил после себя мемуаров, он выпустил несколько книг на политические темы.

С глубоким уважением, князь де Клари»

Итак, неизвестно еще, существуют ли письма Пушкина, но и дневник с рассказом о его смерти – драгоценность огромная. Сделаю всё возможное, чтобы получить его в свои руки.

Слава признал ребёнка. Сборник разошелся почти целиком. Деньги пока есть. Оля сможет остаться в санатории. Пока столько удач, что я суеверно боюсь неудачи. Кончаю эту тетрадку, почти целиком посвящаю мыслям о процветающей Оле (снова прекрасные стихи) и в очень приподнятом настроении.

17 января 1943 г. В Кондаковском институте должен был состояться, так сказать, маленький «vin d'honneur» – кнедлики в честь Оли, а она возьми да и заболей гриппом. Жаль. Был князь К.Шварценберг. Удрал от гостей жены и пришел специально поговорить с Заинькой. Перевел какие-то её стихи на немецкий язык. Послал мне, но я ещё не получил. Называет её «самоочевидным талантом». Говорит, что стихи, мол, сплошная музыка и надо их какому-нибудь, обязательно русскому, композитору положить на музыку.

Андреев разобрал ряд стихотворений сборника. Находит, что зачастую прекрасные строчки перемешаны с такими, которые вконец испорчены банальными эпитетами. Я тоже не раз говорил Оле, что надо избегать из всех сил cliches. Сошлись мы на том, что талант несомненный, крупный, многообразный и потому именно надо работать и быть строже к себе. Я доволен за Заиньку милого. Давно ли её травили, как загнанную собачонку, и вот президент (Гаха) не только дает деньги, но всерьёз читает стихи, князь переводит их на немецкий язык. Если мне удастся издать в её пользу новое письмо Пушкина и отрывок из дневника Dolly (Фикельмон) о дуэли и смерти, некоторые личности помрут со злости.

20 января. Умом я живу больше в Пушкинские времена – кстати сказать, не такие уж «милые», как писала Марина Цветаева («Пушкин милых времен...»). Очень душно было в России, правда, больше насчет внешних правлений. Говорили между собой весьма смело. Но и странно и горько было сегодня перелистывать «Северную Пчелу» за 1837 год. О смерти Пушкина заметка Якубовича в 15 строк, и больше ничего...

Подготовил почти весь материал о графине Dolly. Остается попросить у князя Клари «Lettres du comte et de la comtesse Fiequelmont» (письма князю и княгини), но пока я подожду. Приготовил для него выписки из русских источников о его прабабушке и тогда обращусь. Князь потерял сына в России – надо быть сугубо сдержанным (узнал от Шварценберга).

19 марта. Сегодня некий Евгений Гагарин прислал Оле на мой адрес письмо из Берлина. Я не заметил, что письмо не мне, и распечатал. Дело чисто литературное, так что маленькая не рассердится. Гагарин получил в Берлине сборник и очень им заинтересовался. Человек, видно, очень, очень культурный и тонкий. Во всяком случае, человек, видимо, интересный. Пишет Оле: «Мне хочется сказать Вам несколько обстоятельных слов. Вам Бог дал несомненный «нелегкий дар». От юности Вашей у Вас еще много срывов, наивностей, des plattitindes, но зато своя речь, свой стиль, умение по-собственному увидеть мир и каждый раз

его пережить. Это все, что надо, чтобы – при большой работе! – стать истинным певцом Божиим. Их очень мало на сей земле (...). Вы, вероятно, любите Ахматову и Есенина – или это случайно совпадение ритма?»

Сравнение князя очень совпадает с моим. Он только не читал (но хочет прочесть) её новые стихи и не видит, как Оля быстро идёт вперед. Горжусь Заинькой, как стареющая нянька.

9 мая. Ранняя, холодная, ненужная весна. Сейчас чудесно цветут каштаны сирень, начинаются ландыши. Сухо, холодно, ветрено, пусто и тревожно.

У меня большое разочарование. Пять месяцев работал над подготовкой докладов – 1) «Пушкин и графиня Фикельмон», 2) «Графиня Фикельмон о дуэли и смерти Пушкина». Все, казалось, было налажено, разрешение обещано, но внезапно пришлось самим устроителям отказаться. Жалко, обидно. Больше всего меня удручает, что не будет 2-3 тысяч на содержание Олиной крошки. Интерес был большой. Со всех сторон спрашивали о билетах, и я надеялся на полный сбор. Ну, ничего не поделаешь – одним разочарованием больше.

Но сейчас вполне уже определенно подумал – вот купил Оле большой букет прекрасной сирени, очень может быть, что в будущем году буду в это время гнить – не от болезни...

Зайчик милый понемногу переходит на замужнее положение и уходит из моей жизни. Совершенно естественно, и ныть смешно, но вспомнил прошлую «беременную» весну, потихоньку ною. Слава ушел от родителей. Дети собираются жениться. Жить им не на что. Я, фактически, исчерпал свои возможности – Пушкин был последней ставкой и она бита... Оказалось, что легче найти архив Фикельмон, чем прочесть лекции.

Сегодня был разговор (по моей вине) странный и грустный. Как-то заговорили о том, что может быть не так уже долго осталось до Ольшан (пражское кладбище). Оля (совсем серьёзно): – Тогда я посажу вам березку. – Сегодня опять вернулись к тому же – и шутивно, и серьезно. – Мы вам посадим вишенку. Весной будет цвести, пчелки будут летать, жужжать. А летом будет вся красная... – Потом Оля перебрала дуб, сирень, елочку, фиговую пальму (это на Ольшанах-то). А я уже прибавил: – Посадите просто фигу! – Посмеялись. Но у детей тоже проскальзывают грустные мысли: – А вдруг, Н.А., придется вам нам сажать... – Замахал руками. Оля: – Мы еще, пожалуй, попадем на вашу свадьбу. – Я: – Не знаю, попадете ли на мои похороны, а на свадьбу, наверное, нет.

Знаю, что зря чешу язык – зря и глупо, но из-за неудачи с Фикельмон у меня на душе кошки скребут. Послезавтра Оле двадцать лет. Попросил её написать стихи на прощанье с 19.

3 июня. У Оли скучный, серый вид, который никому не по сердцу. Очень уже велик контраст – жар-птица и воробей. Я стараюсь относиться к Славе хорошо, но дается мне это с трудом. Яснее ясного, что ничего из этого брака не выйдет. Чем черт не шутит – может быть, ошибаюсь, но вряд ли, вряд ли...

На днях маленькая видела длинный, сложный, трогательный сон. Была в России. Русского было только мало и плохая однообразная одежда – все в синем с белыми узорами. Остальное все перенесено отсюда: горы, поросшие лесом, в легкой дымке, в деревне два кинематографа и театр. Она была там со Славой. Очень понравилось в «России». Решила во сне, что никогда не вернется в «закопченную Чехию».

Первое издание Олиного сборника «На пороге» дало 11.249 крон 50 геллеров. Много, правда, приходящих обстоятельств, но, как бы то ни было, никто еще в Праге столько стихами не зарабатывал. Не будь таланта, не пережить бы этой зимы...

Второе издание уже окупилось без труда, и теперь все, что продано, – чистая прибыль.

Князь Шварценберг посвятил Оле очень недурное чешское стихотворение на неожиданную тему. Доченька моя милая в большой моде. Остается еще вырезать гланды, и физически все будет хорошо.

22 июня. Думаю опять вести дневник поподробней. О политике писать не могу, но кроме политики (от которой я, собственно, за тридцать земель), есть быт и очень интересный быт. Совсем личное тоже останется – не может Заинька исчезнуть из моих тетрадок. Если она, в самом деле, станет тем, чего я жду, биографы Ольги Крейчевой когда-нибудь (только очень не скоро) найдут там немало интересного. А я, если уцелею, на старости лет слабеющими глазами буду перечитывать свои записи с очень нежным чувством. Ему не пройти, что бы ни было дальше.

Сейчас я бы хотел посоветоваться с какой-нибудь хорошей, старой, умной женщиной, которая любила бы Заиньку. Но такой женщины я не знаю – либо глупые, либо молодые, либо не любят. Самому же трудно выбрать линию поведения. Пожалуй, дело даже не в линии – я нейтрален, как Швейцария (так и сказал Оле), и иначе не могу поступить, поскольку речь идёт о Славе. А, всё-таки, нейтралитет сам по себе не цель. Надо знать, чего конкретно я хочу, а я не знаю. Слава – отец ребёнка, Оля его любит; он искал мужество уйти из дому – казалось бы, всё ясно. Жениться, и всё тут. Но ничего от этого брака не выйдет, и жить не на что, и совсем они друг к другу не подходят, и Оля понимает, что вероятно счастья не выйдет, и есть еще приходящие обстоятельства, о которых лучше всего молчать. Много всяких «и» и «но». Так много, что на днях Оля в откровенную минуту сказала мне ясно: «Я бы порвала с ним, если бы мне не было его жалко». Надеяться, что потом, в семейной обстановке, всё утрясется, но больше всего хочет узаконить дочку. О ней вчера сказала: «Ведь это единственная радость моей жизни...» С Наташей на руках прекрасна – и на фотографиях, и на самом деле. Умные, глубокие, прекрасные глаза. Все лучшее, что есть в её мужестве.

Слава уехал в Брно, звал Олю с собой. Она собралась было, но не смогла поехать, и он, видимо, впал в обиду. Не возвращается, хотя надо учиться, не пишет – одно письмо с глупыми стихами. Чепуха какая-то. Я боюсь нового разочарования для Оли. Все документы готовы, остается подать „ohlášky“ (извещение) в магистрат, но не собирается ли Слава улизнуть опять и вернуться к родителям? По-человечески понятно, что он тоскует, несмотря на заботы Оли. Но надо же решаться! Я не пошевелю пальцем ни в ту, ни в другую сторону – иначе, чего доброго, вообразят, что у меня эгоистические интересы, но, если не женится и этот раз, мой нейтралитет кончен. Посоветую Оле бесповоротно порвать. Если брак не выходит, решимости нет, любовь и страсть погасла, любви устойчивой нет, нельзя друг друга мучить. Оля найдёт себе подходящего мужа и с ребенком (весьма просто найдёт). Два года тому назад я писал М.С.: «Страсть пройдёт. Молодые люди надоедят друг другу». Кажется, теперь так и есть. Не могу всё-таки решить я для себя – можно ли, чтобы из-за ребенка (Слава очень любит девочку) жениться при таких условиях.

23 июля. Последний вечер. Как будто все готово и все предусмотрено. Тьфу, тьфу – ничего не должно случиться... Я боюсь, чтобы молодые не опоздали. Слава, кроме того, серьезно нездоров – у него гранулома. Оля от волнения не может спать. Я сплю, но очень волнуюсь. Удалось кое-что достать. Slabý (очень милый юноша) подарил бутылку вина, Кафка дал 200 g спирта = 400 g водки. С большим трудом я достал «материал» для 16 бутербродов. Заказал торт. Меню будет для военного времени сносное:

- 1) Hors-d'venres variés (закуски разные), а именно: по 4 сардины на персону, редиска
К сему 400g зубровки
- 2) Суп
- 3) Жаркое – вероятно – бифштекс. Салат из огурцов.
Бутылка красного вина.
- 4) Торт
- 5) Кофе военного времени

Больше ничего при всем напряжении сочинить не мог.

Вот сторона материальная на память грядущим поколениям. О внутренней стороне уже писал, что не стоит повторять. Желаю Заиньке счастья, прочного, хорошего, спокойного... Авось всё утрясется.

24 июля. День настал. Надеюсь, пройдет хорошо. Не думаю, чтобы М.С. явилась делать скандал, даже если узнала о свадьбе. Вероятно, впрочем, не узнали. Я плохо спал, волновался, просыпался. Утром купил букет прекрасных гладиолусов и все отнес в ресторан. Через 1 ½ часа идем в *gadnicu* (магистрат).

23 часа. Все прошло прекрасно. Только я сильно волновался и плохо собой владел оттого, что молодые опоздали на полчаса – хотели приехать в 10 ½, а появились десятью минутами позже срока, когда я уже себе места не находил. Наконец увидел их переходящими площадь. Сразу отлегло от сердца и стало весело.

Оля *distinguée* (здесь – элегантна) как всегда. Прекрасное платье – *bleu de France*. Сидит удивительно. Голубые с белым «држевачки» (деревянные башмачки). Очень хорошо причесана. Скромный, но очень изящный букет белых цветов. Сколько дам «большого света» могло позавидовать этой рабоче-крестьянской девочке. Глаза сияли. Все время была спокойно-взволнованной, если можно так сказать. Мы с Мельницким в темно-синих костюмах, рубашки белые, галстуки светлые. Я надел галлиполийский крестик.

Первый раз был и участвовал в церемонии гражданского брака. Довольно стильно и даже очень стильно – ожидающие очереди пары и приглашенные собираются в зале «сената», где много золота, гербы цехов, средневековые статуи. Болтали о чем-то незначительном. Успели посмотреть в соседнем зале заседаний думы две огромных картины *Vrožika* (избрание Юрия Подебрадского – Йиржи из Подебрад и Гус перед Констанцким собором). Наконец пришла наша очередь. Вчетвером вошли в свадебный зал. Я его как следует не рассмотрел. Сразу стали против возвышения вроде аналая, затянутого красным сукном. Сзади флаг протектората. На возвышение поднялся красивый пожилой доктор с хорошими манерами. По бокам секретарь и *zřizenec* (служитель). Сбоку фотограф с «Лейкой».

Чиновник сказал очень гладкую и хорошо составленную речь. У него должно быть в памяти несколько стандартных типов этих речей.

Предложили жениху и невесте произнести формулу свободного вступления в брак и объявили его состоявшимся. Я почти не верил происходящему. Итак, Оля таки вышла замуж за Славу... Два с половиной года тревог кончились. Брачующимся было предложено обменяться кольцами. Начали было поправлять – не на ту руку, что принято у чехов, но Оля вполголоса сказала, что «мы православные». Оля в первый раз в жизни расписалась как «Olga Šettnerová – rozená Krejčová». Слава, как полагается, подписал первый, мы, свидетели, расписались еще в зале ожиданий. Чиновник поздравил первый, затем Мельницкий и я. У входа фотографии быстро и ловко взметывали «Лейки». Пошли пешком по знойным солнечным улицам. В маленькой улочке старик – полунищий преподнёс молодой щепотку сена, перевязанного ленточкой, и получил щедро на чай. Бывают же профессии. Слава вообще, я заметил, давал на чай щедро. ...Из ратуши мы еще прошли пешком на базар. Оля хотела купить фруктов, но ничего не достала. Полковник Мельницкий и я любовались нашей маленькой герцогиней. Олицетворение изящества – во всем, во всем – от белого цветка в волосах, до dřeváček – голубых с белым.

Вошла в отдельную залу, где был неплохо сервирован стол на 4 прибора, заметила торт, блюдо (весьма солидное с бутербродами), и глазёнки еще больше заблестели. С большим аппетитом поглощала всё – особенно паштет понравился, паштет Мельницкого. Началось как-то вяло, потом быстро всем стало дружно и хорошо. Пили долго зубровку. Молодая морщилась – она предпочитает вино «Речей» не произносили. Первый тост за молодых сказал Мельницкий, второй за Тулечку – я. Много было тостов. Слава, как всегда, не блистал, но был очень мил, вполне «на месте», как говорится в анкетах. Рюмку за дочку Оля выпила на «ех» (залпом) и старалась не морщиться. Молодой vtchní (официант) догадался, что свадьба, и пришел поздравить (я из сугубой осторожности сказал сначала, что именины). Принесли фотографии. Солнце было слишком ярко – все тени больно резкие, но, в общем, удачно. Я убедился в том, что, несмотря на потери 18-20 кило, я еще достаточно полон. Развел руками, спрашиваю:

– Что же было раньше?

Оля: – Было ужасно.

Она вообще была очень espiègle (в ударе) на сей раз – жизнерадостно, задорно, остроумно. Кончили около трех часов. Молодые сели в трамвай с букетами, коробкой (оставшиеся вафли – татранки и часть торта) и моим подарком „Ideální manželství“ (идеальное супружество) Van-der-Welde. Книга толковая и, я думаю, моим достаточно опытным зайчикам будет полезна.

12 августа. Вчера в 12 ч. обвенчали Заиньку в Николаевской церкви – очень скромно, но торжественно и хорошо. Акт подписан со стороны жениха – Н.Е.Андреевым и П.А.Хмыровым, со стороны невесты – князем Карлом Шварценбергом и мной. Венчал отец Исаакий и он же посаженный отец. Посаженная мать – Н.А.Крибель, урожденная Хомякова. Словом, с честью обвенчали доченьку мою дорогую. Князь проявил множество внимания и явился даже с розеткой Мальтийского ордена. В свидетели его попросили в последний момент, когда не приехал полуумирающий писатель Н.Терлецкий (не было известно, придет ли вообще князь). Его участие в свадьбе Оли – пражская сенсация. Подробно завтра. Хочу спать – точно выдержал докторат.

Одна из сентябрьских записей: «Е. Гагарин прислал ей очень сердечное и интересное письмо. Жаль только, что почерк ужасный. Оля дала мне прочесть. Он пишет Оле о том, как отнестся к стихам Федор Степун. «Человек этот, выросший в необычайно острой атмосфере предвоенного Петербурга и Москвы, обладает исключительно тонким ухом и слухом: ему я показывал Ваши стихи. Была там и Галина Николаевна Кузнецова, тоже печатавшаяся в свое время в “Северных Записках”, и кроме того – много других людей слушали Вас. Может быть, Вам будет приятно узнать, что инициатива этого чтения исходила не от меня, а от самого проф. Степуна, которому я перед этим дал для прочтения Ваши стихи. – Откуда Вы взяли Вашу Олю Крейчеву? – спрашивал он меня. – Это же поэт, настоящий поэт, хотя во многом пока еще дурной стихотворец. – Сказать последним он хотел, несомненно, то, что Вы иногда вместо полновесного камня или даже лучше: рядом с полновесным камнем, кладете в свои стихи замазку. Но это и хорошо: плохо, если бы у Вас сразу все пошло гладко.

Посылаю Вам Ваш сборник, прошу писать мне Ваше новое что-нибудь и вернуть (конечно, заказным). Пусть Вас не обижают и не смущают карандашные отметки, сделанные мною при первом чтении. Больше всего я люблю: “Мне всё время чудятся звонки...” Это перл: эпитет чудится Вы пришли к столу, вздохнули, сели и написали за один раз. (Berlin 22. VIII.43)».

Воспоминание из прошлого года. Кажется, около Řičan в июне в лесу было много земляники. Беременная девочка с сияющими глазами рвала её, сидя на корточках, и ворковала, как ребёнок. Очень было трогательно. У неё вообще до недавнего времени (да и сейчас порой) смесь очень взрослого с очень детским. До 16 лет играла понемножку в куклы, а в 16 ½ стала женщиной. Теперь между мной и Заинькой прозрачная, но непроходимая стена, а нежность порой прежняя.

22 октября. Сборник составлен. Предложил назвать его «Новый путь». Андреев одобряет, и содержание понравилось. Говорит, несравненно сильнее и взрослее первого. Немного однотонен – грусть, грусть, *résignation*, но ничего не поделаешь. Странное дело, была бурная радость ожидания ребёнка, теперь большая, глубокая любовь к нему, а радости в стихах, несмотря на свадьбу, нет. Отношение к мужу сложное. Несомненно, любит и боится в то же время разочароваться. Только ли боится? То очень нежна, то очень задумчива, тяжело, нехорошо задумчива...

27 ноября. Жаль мне доченьки моей милой. Дома, кажется, утряслось. Привыкает. М.С. или на самом деле переменяет к ней отношение, или приспосабливается к обстановке.

Но худеет Оля страшно – уже 45 кило. Делали исследования, подозревают гиперсекрецию щитовидной железы. Только не оказалась бы базедова болезнь. Больно подумать, что станет тогда с её лицом – выпученные глаза, желтизна, грубость черт. И вообще инвалид навсегда. Только бы пронесло это. Хорошо, что хоть туберкулёза нет – он сейчас убил бы Заиньку.

14 декабря. Час от часу не легче... Прихожу сегодня после большого перерыва на урок к Peteru (Кафка). Сажусь в кабинете. Болтаем мирно.

– Est bien, chere Madame Krejčová c'est la grassesse... (Да, это беременность...)

Точно палкой по лбу хватили. Вот оно в чем дело – нездоровье, плохой вид, угнетенное состояние Славы. Теперь все понимаю. Ну и наделали дети опять дел. Прошлый раз обошлось в 35.000 (крон) с лишним, и при теперешнем положении

вещей дадут больше. Придётся бабушке с дедушкой отдуваться. Но больше всего боюсь за талант Оли – двойных пеленок может не выдержать. Дела, дела... А хитрюга маленькая молчит. Надо ей будет помочь сказать.

24 января 1944. Бурные были три недели в отношении Заиньки. Совсем неплохо получилось, да и теперь еще не хорошо. Шаг вперед – комната с центральным отоплением, которую они, наконец, получили. Шаг назад – новая ссора с родителями. «Шаг на месте» – беременность. Ничего не попишешь – придется родить, хотя это жестоко осложняет положение. Заварили дети кашу, которую расхлёбывать будет зело трудно. Еще плюс – совсем готовый сборник «Новый путь», который я только кончил переписывать и послезавтра повезу Новгородцевой. 33 стихотворения хороших, частью отличных. Большой шаг вперед по сравнению с «На Пороге».

24 марта. Сейчас упаковывал Олины вещи, которые у меня хранились, чтобы отвезти на новую квартиру. В корзинке трогательные, бедные, уютные вещицы девочки – мелы с времён гимназических. Точилки, дешёвый платочек с аккуратной вышитой ниткой, беспомощный пушистый цыпленок.

Меня вдруг охватила такая нежность по ней, что дрожал подбородок и почти хочется плакать. Я не могу бросить её на произвол судьбы и в то же время чувствую, что события нас разлучат. Вспоминается розановское: «Народы слушайте – я приношу вам великую весть – частная жизнь выше всего». Кажется так в «Уединенном».

10 апреля (ночь на 11). Только что у Оли родился сын. Она чувствует себя хорошо. Ребенок очень мал. Слава расслышал по телефону, что он весит 1 кг. 250 гр. Конечно, ошибка – два с четвертью, как Наташенька, – иначе не был бы в живых.

Опять поторопилась маленькая. Слава очень волновался, ожидая вестей. Я тоже. Мы пошли позвонить в «Граф». Боли начались сегодня утром, но уже вчера в «Алькроне», где мы ужинали, Оля чувствовала себя нехорошо.

Ну, всё обойдется – лишь бы крошка остался в живых. Сначала была почти в апатии от беременности, а потом хотела сына – непременно сына. Назовут Юрочкой. Трогательная заботливость о мне. Уже мучаясь болями, просила Славу хорошенько меня накормить – и «хотя бы кашу сделай». Я должен был сегодня читать характеристику Пушкиной. Приехал и узнал, что Олю в 3 часа отвезли в rogodnicu (родильный дом). Как сильно у неё эстетическое чувство. Заранее знала, что поедет в автомобиле, дежурящем у полиции. Видела там старую машину с большими квадратиками (такси) и заранее сказала, что хотела бы попасть в новую с «бомбой на крыше». Несмотря на жестокие боли, спросила, какой автомобиль, и очень обрадовалась машине с «бомбой».

Милый, родной Заинька! Чужая, но родная, близкая, дорогая.

11 апреля. Были со Славой в rogodnici. Олечка чувствует себя хорошо. Глаза блестят. Температура нормальная. Но грустит – маленький весит 1700 гр. (на самом деле было даже всего 1600 гр.). Куколка жутко-крохотная. Специальный аппарат с лампочками все время его согревает. После родов, ночью, Оля написала мужу трогательную, залитую слезами записку. Кончается она – «Да будет воля Твоя...» Как она трогательно глубока, серьёзна в серьёзные минуты... Врачей не было, но Peter заранее сказал мне для моего сведения только – больше шансов за то, что умрет. Горько будет маленькой, боюсь я за неё, хотя, слава Богу, есть

Наташа. И сколько маме двух детей, автора двух книжек, и еще девочки гимназистки придётся терпеть? Трогает она меня. Поспешно рассказывала мужу (без меня), какое крохотное личико у маленького. Ну, будем надеяться.

13 апреля. Все кончено. Нет Юрочки. Сегодня пришел навестить Олю и застал пустую постельку. Маленький умер вчера в клинике. Оля сравнительно спокойна, но горюет, бедная... Уже двигался, сосал грудь, плакал и нет его... Сегодня пришел отец Исаакий, но поздно – я ему написал от себя, что следовало бы спешно окрестить крошку. Пришла и М.С. Я стоял внизу у входа в здание. Посмотрела на меня с большой ненавистью. Ну, Бог с ней... Сказал Славе, что крошку похоронят бабушка и дедушка, а я приду после положить цветов. Грустно, грустно....

11 мая. Заинькино рождение. Наконец ей 21 год. Два ребенка, два сборника, много прожито, много пережито, и только теперь еле переступила гимназический возраст.

Я несу дорогой девочке-маме 21 розовый тюльпан, крохотные горные цветики для Наташи, сборник французских поэтов в немецком издании и еженедельных 500 (крон). Будет, думаю, довольна. В Праге совсем нет порядочных книг – ни на каком языке. Все распродано.

12 мая. Все было бы хорошо, если бы не Татьяна. Черт дернул эту вульгарную тупую девицу (!!!) прождать у Ш. целый день и остаться на вечер. Я, понятно, был вежлив, искал и находил доступные для нее темы, но все-таки её присутствие испортило вечер. Только в Семинарском цветущем саду провести время очень хорошо. Вечер был тихий и почти теплый. Луна еще не взошла, но в полутьме белым туманом стояли озера цветущих деревьев. Оля сказала мне:

– Вот так же все будет цвести, когда нас не будет. – И вот думаем о том, что и во время Троянской войны у вишен было пять лепестков и под такими же деревьями сидела Елена Спартанская.

Т.П. рассказывала о налетах. Сначала нравился огромный, великолепный фейерверк над Берлином. Потом измотались нервы. Все-таки, я думаю, она от рабочей мобилизации выиграла – иначе бы стала проституткой.

13 мая. Может быть, один из последних свободных вечеров... День начался, как всякая иная суббота. Урок у S., баня, затем в канцелярию узнать новости. Н.О. (секретарь) сказал, что по слухам подписан декрет «О бесподданных». Звучало явно, нелепо, и я не поверил. Да, верно... 5 мая вождь (фюрер) и генерал Кейтель подписали декрет, по которому все бесподданные приравниваются в отношении отбывания военной и рабочей повинности к германским гражданам...

Выводов не делаю никаких. Остается повинование. Мне, правда, почти 50 лет, но Бог его знает. Пробил, видно, или скоро пробьет двенадцатый час. Теперь не надо деликатностей.

Завтра, во всяком случае, заеду во Вшеноры – может быть, для того, чтобы проститься с родными местами.

Вечером был с Олей и Славой в Вальдштейнской господе (пивной) на Малой Стране. Оля хороша, хороша, и когда входим, все смотрят на неё – и мужчины и женщины. Говорили о разнице (догматической) между католичеством и православием. Я слегка «плакал в жилетку». Мысль еще не приспособилась к положению вещей. Бедный мой Пушкин. Трудно будет Заиньке милому без меня.

Молодой композитор и дирижер Левицкий хочет написать музыку к «Колыбельной» последнего сборника.

16 мая. Может быть, надо дорожить каждым днем и часом. Может быть, придется для нелепых скитаний оборвать 20 лет пражской жизни (или жизнь вообще?)... Оля совсем по-детски сказала мне: «Не надо думать, что вас заберут...»

Новость узнал в субботу, а в воскресенье уехал за город. Утро было холодное, сумрачное, а когда вышел в Черношицах – солнце, цветы, птички пели. Все как в мирное время. Но только острее и нежнее все чувствуешь – опять как в сентябре 1938 г. Как дороги мне цветущие яблони – на этот раз уже совсем немного вероятности дожить до следующей весны.

24 мая. Наклеывается новый след Пушкина и интересный. Князь François Lobkowitz атташе (потом советник) австрийского посольства во времена Пушкина откопал его в дневнике Олениной и при помощи К.Шварценберга отыскал его вероятного племянника (вернее правнука племянника, или как это сказать). Князь Jean de Lobkowitz придет ко мне в субботу в 5 ч., и мы как следует поговорим.

1 июня. Меня уверяют, что Слава жестоко ревнует Олю ко мне. Не замечал, по правде говоря, хотя не все в его отношении ко мне легко. Придется все-таки наблюдать внимательнее. Я совершенно не желаю осложнить Оле жизнь. Глупо все это – я держусь, по совести сказать, корректно, и уж теперь-то оснований для ревности нет ровно никаких. Со времени свадьбы (значит, за 10 месяцев) я только дважды «выезжал» вдвоем с Олей – раз в театр, раз в ресторан. Ну, увидим, посмотрим...

Вчера читал – и с успехом – у Долгоруковых свою характеристику Н.Н.Пушкиной и её сестры. Милые, старые бояре Долгоруковы – люблю их.

Еще образы-контрасты, и какие. На полустанке Horní Mokropsy благополучные дома... Приходит товарный поезд. С десятков вагонов, полных работниц некоего племени. Босоногие, бледные, грязные. Но страшно при мысли, что роли могут поменяться.

3 июня. Сегодня был у меня в гостях князь Ян Лобковиц, пожилой, очень приятный, великолепно говорящий по-французски господин. Просидели полтора часа. Я сделал маленькое exposé о Пушкине, графине Фикельмон, дуэльной истории и об его предке князе Фердинанде, состоявшем секретарем посольства при Фикельмоне.

Я нашел упоминания о нем в дневнике Олениной и «раздуваю кадила». Князь обещал поискать переписку своего aurière grand oncle. Может быть ничего не выйдет, а может быть и выйдет.

6 июня. Сегодня в 13 ч. 55 м., сидя в трамвае № 21 близ остановки «U Bulhara», увидел у соседа-немца экстренный выпуск «Prager Abend» с надписью «Der Beginn der Invasion» (Начало вторжения). Записываю точно – на память об этом дне. Итак, началось...

Я ошибся. Считал, что теперь «инвазии» не будет, так как Атлантический вал очень силен, операция опасна и союзники на нее в данное время не решатся. Скорее думал, что вторжение будет последним, самым последним актом. Нет, они решились и, чувствуется по немецким сообщениям, в самом деле, играют va-banque. Поживем, увидим. Я чистосердечно хочу пожить, да не знаю, удастся ли. В руки большевиков попадать не намерен.

Вечер. Случайно не состоялся урок, и я поехал к супругам. Славы не было. Поговорили по душам с Олей. Уехал сравнительно рано, чтобы не было сплетен. Маленькая еще ничего не знала об инвазии. Рассказал. Говорит (смотря в окно),

что вечер тревожный и мрачный. Небо точно вылинявшая шуба. Я посоветовал написать стихи о вечере инвазии, но Оля отпугивается. Посмотрим, что вообще будет завтра. В городе дисциплинированная жизнь, чехи ни гу-гу. Но газет достать невозможно.

Писал сегодня об интимных отношениях четы Пушкиных. Своевременно – а я все-таки пишу.

12 июня. Завтра мне пятьдесят лет... Только Л.В.Черносвитов узнал, что мне исполнилось, горько сказал:

– Неужели, Николай Алексеевич? – Значит, десять лет жизни, а там начинается старость...

Да, начинается, хотя я еще не чувствую осени. Но голова сильно поседела за этот последний год. Начал было жаловаться моему миленькому другу Оле:

– Заинька, печальный день для меня...

– Чего там печальный, будьте довольны, что дожили до пятидесяти.

– Так-то оно так, но смотрите – детей нет, жены нет? Ничего от меня не останется. Книжек своих даже не напечатаю...

– Другие напечатают.

– Может быть... Да что мне из этого толку?

– Ну, жить на самом деле не стоит.

Пятьдесят лет тому назад доктор, принимая меня, сказал папе, что у меня, мол, голова Сергея Юлиевича Витте. Предсказывал, кажется, что из меня выйдет большой человек.

Ничего, собственно говоря, не вышло. Способный дилетант – естественник, артиллерийский офицер, политический оратор, мемуарист, беллетрист, пушкинист... Всего понемногу и ничего до конца. Впрочем, наша несчастная семейная черта – не умеем сами себя организовать. Л.В.Черносвитов, менее способный человек, чем я, но у него мировое имя по части червей, а у меня ни в чем никакого. Правда, за последнее время, не мало людей стало ко мне очень внимательно, но я в свое будущее не верил и раньше, а теперь и подавно. Какое будущее в пятьдесят лет?

Жестоко надоело быть одному, но иного выхода нет. А все-таки жить хочется, здоровье, тьфу, тьфу – совсем не плохое, а на шее чувствуешь веревку (или яд во рту). Гадко, грустно. Хотел бы хоть пушкинские работы закончить, да, вероятно, не удастся и это.

Завтра позвал Заиньку с мужем поужинать со мной в «Valdštejnské zahradě» (Вальдштейнский сад – ресторан) на Малой Стране. Мы уже не раз там были – последний раз с Е.А.Гагариным.

Олечка, дочитав первый том «Саги Форсайтов», разрыдалась так, что разбудила мужа. Тот перепугался, не понимая, в чем дело...

– Мне его жалко...

И второй мотив:

– Что с ним будет.

Читаю долгожданные письма Dolly Fickelmont. Мне эту книгу самолично принес князь Лобковиц. Читаю с наслаждением – как умна, тонка и духовно изящна была эта женщина. Мне лично придется изменять свой доклад, написанный в прошлом году. Думать только, что Dolly обладала мягким податливым характером. Ничего подобного – несомненно, была волевой женщиной. В прошлые годы страстно увлекалась политикой.

По случаю пятидесятилетия переписал свое метрическое свидетельство. Папочка прислал его в свое время из России: «По указу Его Императорского Величества Олонецкая духовная Консистерия свидетельствует, что в метрической книге Олонецкой епархии Вышегорского воскресенского собора за тысяча восемьсот девяносто четвертый год в 1-ой ч. о родившемся под № 55-ым муж. пола показано:

«Июня тридцатого дня рожден и июля десятого дня крещен Николай. Родители его: исправляющий должность Судебного следователя Петрозаводского Окружного Суда 2-го участка Лодейнопольского уезда Титулярный Советник – Алексей Сергеевич Раевский и законная жена его Зинаида Герасимовна, оба православного вероисповедования. Восприемники его: Председатель и Непременный Член Вышегорского уездного по крестьянским делам Присутствия, Статский Советник Герасим Иванов Пресников и Действительного Статского Советника Сергея Николаева Раевского жена Мария Алексеевна. Таинство крещения совершил Протоиерей Иоанн Рябинин с Дяконом Василием Соколовским». Свидетельство сие выдано из Олонецкой Духовной консистории Статскому Советнику Алексею Сергеевичу Раевскому, вследствие прошения его, на основании 874 ст. IX т. свод. зак. изд. 1844 г. за подлежащим подписом и с приложением казенной печати. Прилагающийся гербовый сбор уплачен. г. Петрозаводск. Ноябрь «16» 1911 г. Член Консистерии Протоиерей Андрей Братолобов. Секретарь (подпись неразборчива). Столоначальник П.Звероловлев (М.П.). (Следует удостоверение нотариуса Александра Александровича Лонского, Каменец-Под. 15 декабря 1911 г. № 5917). Настоящая копия надлежит представлению в учебное заведение».

8 августа. Заметил сегодня, что стремительно седею. Морщин нет, физиономия моложавая (говорят даже очень), и голова от тоски ожидания белеет и белеет. Грустно.

10 августа. Вчерашний мотив знойного воскресного дня. Иду по Вацлавскому в темных очках. Бодро постукивают деревянные башмачки загорелых женщин. Маленькие дети больше полуголые – особенно мальчики. Много босых – раньше и дети бедняков носили «батёвки». В общем же чехи веселы и бодры – многие по наивности. И наперегонки амплионы трубят веселые марши.

15 августа. Говорили с маленькой философски и грустно. Она уговаривает меня не поддаваться настроению и гнать прочь мрачные мысли, но я не могу с ними справиться.

Иных уж нет, а те далече, как Сади некогда сказал...

В воскресенье узнал, что между Ниццей и Cannes американцы напали на поезд, в котором уехала Марина фон Валь с женихом. Она получила 40 ранений, но выжила. Жених на следующий день скончался от ран.

18 августа. Отпраздновали Наташенькино рождение. Принес букетик львиных зевов (розовых) и пирожные. Пообедали у «Nováků» и отправились в зоологический сад (через Стромовку, потом через реку). Как только маленькая в природе, затихает и веселеет.

Зверей очень любит, не боится нисколько и норовит тронуть пальцем. При виде леопарда немедленно заявила «кошка». Больше всего понравились разные маленькие детёныши и птицы (звала «пи-пи»). Но самое большое впечатление, конечно, от слона. Увидела его огромный серый зад и говорит «попка» (это у них обиходное словцо). Стояла задумчиво, засунув пальчик в рот. Про гиппопотама

сказала «слон купается». Надо сказать, что и в Оле, когда смотрит на зверей, много детского – тут правильно заметил, ослабела миленькая наша – после трёхчасовой прогулки еще шла. Устал основательно, пошли обратно уже быстро. Крошка трогательно мила, держась за шею отца. Как мне грустно, что никогда у меня такой не будет. Хороший, дружный день...

23 августа. Знойно-голые, расплавленные дни и новости, новости... Близятся времена и сроки, и я с удовольствием работаю над характеристикой графини Фикельмон, которая умерла восемьдесят лет тому назад et je m'en fiche, je m'en fiche (мне наплевать на всё), больше ничего не остается делать.

24 августа. Бои на Сене, противник ворвался в Париж. Верю и надеюсь, что и на этот раз вечный, дорогой город уцелеет. Осиротело бы человечество без него...

А я пишу о Фикельмон, сидя голым на знойном солнце у своего собственного стола. Сижу пока сидится. Оля с наслаждением читает «Апологию Сократа», которую я ей подарил, и пишет стихи о небе. Сегодня я выписывал для нее все, что нужно о созвездиях. Слава пойдет вместе на них смотреть. Старается, словом, жить по-своему...

3 сентября. Только что окончил первый переработанный доклад о Пушкине и гр. Фикельмон. Он содержит биографический очерк и характеристику графини. Кажется, хорошо. Послезавтра начну читать Оле. Поработал много и порядком устал. Без «Lettres» (писем) писать о графине было нельзя, а ведь писали.

15 сентября. Только что окончил переработку докладов о Пушкине и графине Фикельмон. Так бы хотелось, чтобы это не пропало... Работал все лето.

3 декабря. Послезавтра уже, вероятно, буду государственным рабом (кажется, такие имелись в Риме). Сегодня в светлой, хорошо натопленной комнате прокорректировал первый доклад. Переписала Л.А.Новгородцева (превосходно – удовольствие читать). Пойду к Оле и Славе. Грустнее всего, что теряют 1.500 в месяц. Как обойдутся, не знаю. По существу Слава много богаче меня – получил маленькое наследство от тетки, но оно будет давать не больше 500 крон в месяц. И потом теперешнее состояние Оли... Просто думать жутко, что может быть скоро, очень скоро. Большевики явно идут на Австрию в обход Будапешта.

Хозяевам немного обидно, что я сокрушаюсь о своём будущем (дочки мобилизованы), но обо мне ведь ни единая живая душа не позаботится. Жаль Оли и жаль моего Пушкина – из 8-ми двухчасовых докладов вполне готово (и сдано в переплет) 5. Для 3 собрана вся литература и готов в голове. Обидно очень.

5 декабря. 7.15. Вчера у меня определили atheroma aortae. Нехорошо, конечно, но сейчас отправлюсь в Arbeitsamt спокойно – на тяжелую работу меня, во всяком случае, не назначат.

9 декабря. Неделя об Arbeitsamt-те (биржа труда) прошла, первое посещение благополучное, но дело еще далеко не кончилось. До сих пор я очень редко думал о своем здоровье. Иногда слегка побаливало сердце и art.sacroiliacum, в общем же чувствовал себя хорошо. Теперь волей-неволей придется думать. Atheroma есть atheroma, хотя бы она только началась.

И первое чувство – надо как можно содержательнее прожить то время, пока она еще не разошлась. С.Д.Гегелашвили меня утешил:

– Не думайте о будущем, потому что в будущем для нас может быть петля. Ваша атерома не устанет дать себя знать.

Недавно мы говорили с С.Д. серьезно насчет разных перспектив. Он сказал мне с убеждением:

– Если не останется другого выхода, мы добровольно уйдем к нашим вождям...

Мне тоже понятно, что сейчас это единственно приемлемая форма «добровольчества».

22 декабря. От тоски, холода и военной обыденщины задумал сегодня экзотически гротескную повесть, действие которой будет происходить на Соломоновых островах. Героиня – русская барышня-эмигрантка из хорошей культурной семьи, которая попадает туда вместе с отцом любителем-натуралистом, поступившим на службу в качестве коллекционера Британского (или иного) музея. Живут сначала на берегу, знакомятся с природой и людьми. Затем отправляются с двумя слугами-казаками и несколькими дикарями внутрь острова. Экспедиция гибнет, девушку, раздетую догола, уводят дикари, обитающие на высоком плато, где климат для европейцев переносный. Молодой вождь берет её в жены. Бывшая русская гимназистка ведет жизнь дикарки. Привыкает ходить голой, как и туземки. Привыкает и к своему мужу. Учит его по-русски. У неё родится милая шоколадная дочка. Лет через шесть вооруженная английская экспедиция проникает в горы. Неожиданно натываются на белую дикарку, которая свободно говорит по-английски. К большому огорчению, прежде всего надо одеться. Надевает платье и на крошку. Командир отряда не может допустить, чтобы европейская женщина осталась у дикарей. Её отрывают от мужа. Прощание. Странная для европейцев женщина. Огромный интерес к маленькой колонии. Всемирная сенсация. Радио «Гайна» Дочка заболевает и через несколько дней умирает. Отчаяние матери. Оставляет письмо. В сухую лунную ночь она уходит в лес, сбрасывает платье и снова, качая мешком за плечами, уходит в даль...

Пожалуй, с тоски действительно напишу эту дичь, когда кончу Пушкина. Придётся заняться всерьёз Соломоновыми островами, но это хорошее лекарство от тоски. Как все это назвать, и как назвать героиню, и как написать, чтобы ироническая эротика не обратилась в порнографию...

24 декабря. Через час пойду с подарками в «мою семью», как говорит Т.Н.Чернинова. Большой девочке сумка из красной оленьей кожи, маленькой – лошадка (и то, и другое не от меня). К этому еще «ванночка», хорошая даже для мирного времени. Не наши праздники, но они все сильнее и сильнее внедряются в наш быт. Родители свободны именно в эти дни, и где есть дети, им непонятно, почему кругом праздники, а у них нет. В большинстве семей подарки делают на католическое Рождество, а в церковь ходят на свое.

25 декабря. Вчера провел у Оли и Славы прекрасный вечер. Оба очень деловиты, и Оля становится отличной хозяйкой. Крохотная их «гарсонера» (однокомнатная квартира) выглядит трогательно. Очень много вкуса, уюта, заботливости во всех мелочах.

Накормили меня на славу. Даже как-то неудобно было поедать все эти вкусные блюда, над которыми дети столько поработали. Не спали, наконец, целую ночь. Слава сооружал украшения, Оля жарила, варила, пекла. Так увлеклись, что в 7 часов утра сказала мужу: «Мне совсем не хочется спать...»

Обыкновенно же часов в 11 уже клюет носиком. Конечно, есть в этом немножко и истории. В том же порядке она горько рыдала ночью над 1 частью «Форсайтов» несколько месяцев тому назад.

Потом еще пили вино и сливовицу у соседей – мелкий служащий частной фирмы, который всячески старался не ударить перед нами лицом в грязь. Оля с большим тактом держит себя с окружающими её бабами – дамами. Была бы прекрасной хозяйкой и в хорошей вилле, только монет ей нужно много... Экономить пока не умеет, и меня смущает, что деньги явно вылетели в трубу со всем этим. Масса продуманного, трогательного внимания и лично ко мне. Отменный, ничем не испорченный вечер. Оля написала два очень хороших стихотворения. У одного только конец надо переделать.

Не проходит мысль об экзотической повести. Она должна быть «документальной». Тогда самые невероятные вещи обростут плотью. Начинается дело в Петербурге, году в 13. Моей героине лет 15. Она гимназистка одной из самых хороших частных гимназий (например, Шаффе). Отец энтомолог Зоологического музея Академии наук. Человек небогатый, но вполне обеспеченный. Именьице где-нибудь в Подолии, где обычно проводят лето. Энтомологические экскурсии. Революция (о ней поменьше – надоело – мешает энтомологии). Попадает в Париж – через Константинополь, или прямо в году 19? Знакомство с чудачком-англичанином (мой Стрикпед). Экспедиция на Соломоновы острова. Тут-то и началось... Мне еще пришло в голову – когда героиня голенькая живет со своим дикарем на скале вулкана, пролетает и в тумане разбивается английский аэроплан. Машина сгорает, но недалеко от обломков дикари находят посылку с книгами, карандашами и бумагой. Теперь можно писать.

26 декабря. «Ты еще читаешь Блока – Ты еще глядишь в окно...» Из Словакии, кто может, бежит. Большевики от нас лишь в 300 с лишним километрах. Не хочу думать о том, что будет. Вижу лунную, влажно-душную ночь на Соломоновых островах...

28 декабря. Prímáľ (главный врач) Peter подарил мне прекрасные перчатки. Неловко было брать и не хватило духу отказаться. Я в 15-градусный мороз щеголял с голыми руками – мои (жалкие) в починке и неизвестно когда будут готовы. Пообедал у Petera. Чувствую, что отвык от общества. Рестораны, даже хорошие, не то – надо держать себя по-ресторанному. За шесть лет войны разучился есть пищу – боялся, что от неосторожного движения все полетит на скатерть.

Так в ледяной декабрьский день, не очень далеко от красных, кончаю тетрадку экзотическими мечтаниями – бессмысленными. Потому что экзотики мне не увидеть...

Прага. 31 декабря 1944 г. 23 ч. 15 м. Через три четверти часа Новый год. Если чудом жива мамочка, жизни ей сносной и спокойной... Не увидимся никогда – об этом больше не мечтаю, но хоть бы еще когда-нибудь письмо получить. И Сане, и Лешику, и Серёже... Братья мне сейчас почти чужие, но если бы встретились, кто знает, может быть, стали бы снова свои.

Себе желаю пережить. Больше ничего. Неохота кончать с собой в 50 лет, когда столько рукописей готово и столько планов в голове.

Заиньке моему, девочке-маме дорогой, здоровья и сил. Тоже пережить, пережить – самое трудное. В урагане не должна потухнуть моя малая свечечка.

Не достал вина и никуда не иду, хотя есть деньги. А жаль – этот год легко может оказаться последним. Николай Клавдиевич Синдульский умирает от рака, и некоторые из наших говорят: – Может быть, он избрал благую честь...

24 часа. Салют. Колокольный звон по радио. В соседней квартире веселые крики. Револьверные выстрелы на улице – это новое. Салют продолжается. Внизу крики, а пушки продолжают медленно бухать.

Посмотрим, что выйдет из этого года. Не хотелось бы смерти...

ПРИМЕЧАНИЯ

Шеттнеры – Мария Степановна и Вячеслав Иосифович – эмигранты из России, их сын Слава учился вместе с Ольгой в русской гимназии и женился на ней.

Отец Иосиф – врангелевский офицер, после окончания духовной семинарии в Болгарии служил в Праге, преподавал Закон Божий в русской гимназии. В последние годы жизни был архимандритом Липецкой епархии в городе Ельце, где умер в 1981 г. и похоронен на городском кладбище.

Генерал Кирей – герой Брусиловского прорыва.

Николай Онуфриевич Лосский (1870 – 1965) – профессор, один из основателей интуитивизма в философии. В 1922 – 1942 гг. жил и работал в Праге. В 1942 – 1945 – профессор философии в Братиславе (Словакия).

Карел Шварценберг – чешский аристократ, крупный землевладелец, друг Раевского, поклонник Ольги Крейчи. Его сын – министр иностранных дел Чехии, депутат парламента, кандидат в президенты Чешской республики при нынешнем режиме.

Гаха, Эмиль – (1872 – 1945) чешский политик правой ориентации, президент Чехословакии (1938 – 1939 гг.), после присоединения Чешских и Моравских земель к третьему рейху – президент протектората Богемии и Моравии. После освобождения Чехословакии привлечен к ответственности. Умер в заключении в ожидании суда в 1945 г.

